Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

Бузыкина Ю.С.

**Отношение
к экстремизму:
региональный аспект**

Монография

ISBN 978-5-4480-0131-4

Тамбов
2017

ukonf.com/mon

Бузыкина Ю.С.

Отношение к экстремизму: региональный аспект: Монография. М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО ПГУ. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. 93 с.

ISBN 978-5-4480-0131-4

DOI: 10.17117/mon.2017.09.02

<https://ukonf.com/doc/mon.2017.09.02.pdf>

Рецензенты:

Разуваева Л.Н., к.пед.н., ГАОУ ДПО ИРР ПО, г. Пенза

Распопин Е.В., к.псих.н., ФГКОУ ВО УрЮИ МВД России, г. Екатеринбург

Информация об авторе:

Бузыкина Ю.С., к.псих.н., доц., ФГБОУ ВО ПГУ, г. Пенза

Монография посвящена актуальной проблеме отношения к экстремизму у представителей различных социально-демографических групп на материалах Пензенской области. Применительно к данной проблематике результативно использованы методики, позволяющие выделить типы отношения на основе комплекса социально-психологических характеристик личности. Кроме того, изучены связи отношения к проявлениям экстремизма с социально-демографическими характеристиками личности. Результаты проведенного анализа могут применяться при разработке стратегий, нацеленных на предотвращение экстремистских проявлений и противодействие им, как на федеральном, так и на региональном уровнях. А также могут быть использованы в процессе планирования и проведения тренингов с целью повышения уровня толерантности среди широких кругов населения.

Монография предназначена для психологов, педагогов, социологов и всех заинтересованных проблемами профилактики проявлений экстремизма в молодежной среде.

Информация об издании предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 856-08/2013К

Электронная версия опубликована в **Электронной библиотеке** (свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-57716) и находится в свободном доступе на сайте: **ukonf.com/mon**

Монография. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 5,81. Тираж 500 экз.

Издательство ООО «Консалтинговая компания Юком»

Адрес редакции: Россия, 392000, г. Тамбов, а/я 44

E-mail: mon@ukonf.com

© 2017, Бузыкина Ю.С.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава 1. Теоретический анализ исследований отношения к экстремизму у представителей различных социально-демографических групп	7
1.1. Сущность экстремизма, как социального явления, и его проявления.....	7
1.2. Отношение к проявлениям экстремизма как предмет психологического исследования.....	19
1.3. Социально-психологические характеристики отношения к проявлениям экстремизма в обществе	33
Глава 2. Эмпирическое исследование отношения к экстремизму у представителей различных социально-демографических групп в пензенской области.....	51
2.1. Организация и методы эмпирического исследования	51
2.2. Эмпирическое исследование социально-психологических характеристик представителей различных социально-демографических групп	54
2.3. Эмпирическое исследование отношения к экстремизму у представителей различных социально-демографических групп в Пензенской области.....	61
2.4. Типы отношения к проявлениям экстремизма в Пензенской области.....	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	78
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	81

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необходимость исследования отношения к проявлениям экстремизма обусловлена многими причинами. Активизация экстремизма в настоящее время представляет серьезную опасность для российского общества, где психолого-политическая нестабильность является одним из базовых источников экстремизма. С психологической точки зрения объективные факторы, которые обуславливают общественные процессы, отражаются в индивидуальном и групповом сознании в виде установок, стереотипов, предрассудков и преобладающих психологических состояний. К таким объективным факторам можно отнести сложную социальную, экономическую и этнополитическую ситуацию, которые являются непосредственными мотивационными регуляторами поведения людей. Для больших масс населения психолого-политическая нестабильность в условиях кризисных изменений выражается в потере жизненной перспективы, надежд, смысла жизни, в чувстве отчаяния, осознании роста социальной несправедливости и психологической готовности к психическому заражению и внушаемости [130, с. 37].

Современная социально-экономическая ситуация во всем мире все чаще приводит к необходимости миграции широких масс населения. Смешение культур и традиций создает проблемы для всех участников процесса интеграции, независимо от того, являются они проводниками новых течений или хранителями сложившихся устоев. Негативными социальными последствиями этого являются территориальные споры, преследование представителей другой расы, национальности, религии и совершение актов насилия против них, терроризм на религиозной, расовой или националистической основе и т.п. – то, что квалифицируется как терроризм и экстремистская деятельность [142, ст. 205–206, 277, 282, 282.1, 282.2] [166, с. 72-78].

Существенную роль в формировании определенного отношения к проявлениям экстремизма играют устойчивые социально-психологические характеристики личности, формирующиеся на базе совокупности норм и ценностей, накладывающие отпечаток на поступки личности, на ее отношение к миру, к другому человеку, на выбор способов общения.

Экстремистские тенденции становятся частью повседневности, а поведенческие стереотипы агрессивного, психологически неустойчивого поведения включаются человеком в систему своих социальных ориентиров.

В целом, снижение ценностной и нормативно-регулирующей функций культуры, духовно-нравственный кризис и расцвет потребительской культуры ведут к проявлению крайних (экстремальных) форм проявления. Сложная социально-экономическая, этнополитическая ситуация, а также неконтролируемая миграция и экономический кризис в наибольшей степени сказываются на молодежи. Социально-экономические и политические факторы выступают в качестве пускового механизма психологических факторов, которые, в свою очередь, приводят к усилению действия социально-политических причин и непосредственно создают благоприятную почву для агрессивности и восприятия массовым сознанием экстремистской идеологии.

Изучением проблемы экстремизма и его проявлений занимались многие зарубежные и отечественные авторы. Различным аспектам экстремизма, как политического феномена, посвящены работы В.И. Власова [43], А.С. Грачева [51], А. – Н.З. Дибирова [56, 57], И.Л. Морозова [97], Э.А. Паина [109, 110] и др. Работы по национализму, фашизму и ксенофобии принадлежат А.М. Верховскому [32], В. Випперману [36], У. Лакеру [83], В. Райху [120], Г.У. Солдатовой [129], О.Е. Хухлаеву [153] и др. Исследованием терроризма занимались В.В. Витюк [39], А.С. Грачев [51], Д.В. Ольшанский [104, 105], В.А. Соснин [130], Б. Хоффман [152], С.А. Эфиров [41, 42], М. Crenshaw [171], W. Laquer [181], G. Maschke [183] и др.

Психологические последствия террористических актов были отражены в работах Ю.В. Быховец [26], С.Н. Ениколопова [64], А.А. Мкртычяна [95, 96], Н.В. Тарабриной [26, 134], J.L. Goldenberg [176], С. McCauley [185] и др.

Исследованием отношения к проявлениям экстремизма занимались С.Н. Ениколопов [64], А.А. Козлов [74, 75, 155], А.А. Мкртычян [95, 96], В.С. Собкин [127, 132] и др. Аспекты возникновения и распространения экстремизма в молодежной среде рассмотрены в работах Ю.М. Антоняна [6], А.С. Грачева [51], А.А. Козлова [74], Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова [68] и др.

Социально-психологические предпосылки проявления экстремизма в обществе отражены в работах Т. Адорно [4], Г.М. Андреевой [5], Ю.В. Быховец [26], Л.М. Дробижевой [62], С.Н. Ениколопова [64], А.А. Козлова, К. Маккоули [185], Д.В. Ольшанского, В. Райха [120], С.К. Рощина [116, 122], Г.У. Солдатовой [129], В.А. Соснина, Э. Фромма [148, 149], Hudson Rex A. [178] и др. Так, в качестве личностно-психологических факторов авторы отмечают различные психологические черты авторитарных личностей (Т. Адорно), агрессивность (А.А. Козлов, С.К. Рощин, Э. Фромм и др.), ксенофобию (Г.М. Андреева, Л.М. Дробижева, Г.У. Солдатова и др.), нравственно-психологические и эмоционально-чувственные факторы развития экстремистского сознания, а также фанатизм (П.Б. Ганнушкин [45], Г.В. Залевский [65], В.В. Ким [69, 70], Э. Эриксон, Р. Conzen [169] и др.)

Проблему исследования составило противоречие между достаточно тщательной изученностью социально-экономической и политической

природы экстремизма в отечественной и зарубежной психологии и недостатком социально-психологических исследований данной предметной области, что приводит к малой эффективности предупредительных мер; между потребностью современного общества в практическом изучении социально-психологических характеристик отношения к проявлениям экстремизма, и отсутствием для этого разработанной теоретической и методической базы. Разрешение противоречий может способствовать разработке механизмов противодействия экстремизму, заключающихся в пропаганде, разъяснительной работе среди широких кругов населения, профилактика проявления экстремизма среди молодежи.

Глава 1. Теоретический анализ исследований отношения к экстремизму у представителей различных социально-демографических групп

1.1. Сущность экстремизма, как социального явления, и его проявления

В конце 1990-х годов XX века различные проявления экстремизма, такие, как националистический экстремизм, терроризм, ксенофобия, стали наиболее ярко выражены в политической и социальной жизни российского общества. В период реформ этого времени активизировались различные кризисные процессы, затрагивающие различные сферы жизнедеятельности общества. Социологи и психологи обращают пристальное внимание на усиление в нашем обществе чувства тревоги, страха, раздражения, неуверенности, незащищенности и т.д. По словам премьер-министра Российской Федерации Д.А. Медведева, к одной из основных задач государства относится жесткое противодействие экстремизму. Любая пропаганда сепаратизма, национализма, религиозной нетерпимости являются вызовами стабильности и единству многонационального государства России. В связи с этим нужна эффективная работа, направленная на борьбу с последствиями проявлений экстремизма, а также профилактическая работа и взаимодействие с институтами гражданского общества [56].

Экстремизм представляет собой явление, от которого практически нельзя избавиться полностью. Так или иначе, но он присутствует даже в благополучных странах. Это явление не угрожает политической системе, в целом, и гражданскому согласию, если локализовано только в маргинальных слоях. Но если экстремизм распространяется на другие сферы общественной жизни, затрагивая другие социальные слои населения, то возникает угроза целостности государства, суверенитету страны и демократии [53].

Признавая трудности содержательного определения экстремизма, можно дать такое определение. *Экстремизм* – это термин, используемый для описания действий или идеологических представлений индивидов или групп, выходящих за пределы принятых в обществе правовых и этических норм. Это идеология, ориентированная на нарушение общественных стандартов этики и взаимодействия. Этот термин традиционно используется для обозначения политических или социальных идеологий, считающихся иррациональными, контрпродуктивными, несправедливыми или, по меньшей мере, неприемлемыми в гражданском обществе, и имеет скрытое значение незаконности конкретных идей или методов.

В целом в экстремистском стиле поведения присутствует три общих момента: стремление исказить реальность в угоду своим идеологическим представлениям; уходить в сторону от критического рассмотрения своих

убеждений, используя фальшивую логику рассуждений; стремление взаимодействовать, исходя из личного недоброжелательства к оппонентам и рационализации своих специфических интересов под предлогом общественного благополучия [130, с. 27].

Близким понятием является концепция *радикализма*. Проблеме взаимоотношения понятий «радикализм» и «экстремизм» уделяет внимание А.Н. Тарасов. Он определяет первый термин, как «способность смотреть в корень, проникать до корней, до основ, выявлять истинные, скрытые причины событий» [136]. Специфика употребления термина «радикализм» охарактеризована Г.И. Авциновой: «Термин радикализм, широко эксплуатируясь средствами массовой информации и учеными, носит пропагандистско-лингвистический характер» [3]. Нередко понятия «радикализм» и «экстремизм» употребляются как синонимы, однако между ними есть различия. В современной политической психологии понятие «радикализм» (от лат. *radix* – корень) имеет несколько значений. Как психологический механизм качественного преобразования политических процессов, который предполагает решительные, бескомпромиссные действия для достижения цели; политическое движение, придерживающееся крайних средств достижения цели; как социальная и культурная традиция, детерминированная соответствующим типом личности и национальными цивилизованными особенностями общества и государства. Негативное отношение к сложившемуся политическому строю, а также признание одного из возможных способов выхода из реальной ситуации как единственно возможного, лежат в основе радикализма. В то же время радикализм нельзя отнести к каким-либо определенным политическим позициям [114, с. 382].

Д.В. Ольшанский отмечает, что «в отличие от экстремизма, радикализм фиксируется, прежде всего, на содержательной стороне тех или иных («корневых», крайних, хотя и не обязательно экстремальных) идей и, во вторую очередь, на методах их реализации» [105, с. 163].

По словам В.А. Соснина, *радикализм* представляет собой социально-политические идеи и действия, которые направлены на решительное изменение существующих институтов общества, проявляются они в кризисные исторические периоды при возникновении угрозы существованию традициям и укладу тех или иных слоев и групп. Этим термином обозначается стремление доводить политическое или религиозное мнение до его конечных логических и практических выводов, не идя ни на какие компромиссы [130, с. 27].

Можно отметить, что радикализм – «приверженность», т.е. радикал – это имеющий намерение, но не совершающий действие, а экстремист – это тот, кто совершает действие систематически. Таким образом, «радикализм» – это решительное, но не крайнее, «экстремизм» – крайнее и решительное [55].

Следующим близким понятием является концепт фундаментализма. Фундаментализм – это общественное идеологическое, религиозное или политическое движение, провозглашающее приверженность исходным принципам, идеалам определенных учений или доктрин, выдвигающее требования преодоления появившихся в ходе их развития извращений, уклонов,

ересей и «возвращения к истокам», возрождению ритуалов и обычаев. Он возникает в условиях кризиса какого-либо движения и, как правило, противостоит, в том числе насильственными средствами, процессу перемен, обновлению, модернизации [130, с. 28].

В последние годы ведутся активные научные дискуссии относительно сущности экстремизма. Целесообразно обратиться к этимологии слова «экстремизм». В современные романо-германские языки (а затем и в русский) слово введено из латинского языка в XVII веке и происходит от латинского «*extremus*», что означает «крайний». Окончательное смысловое значение термина «экстремизм» оформилось уже в XX веке [97, с. 16]. Как объект научного исследования в отечественной литературе политический экстремизм появился в 70-х годах. Одним из первых термин «экстремизм» употребил Э.Я. Баталов в своей работе «Философия бунта», а более широко данное понятие стал употреблять А.С. Грачев в работах «Тупики политического насилия: экстремизм и терроризм на службе международной реакции» (1982) [52] и «Политический экстремизм» (1986) [51].

Сторонники социально-политических и экономических подходов, как правило, стараются строить определение термина на базе политического фактора. При этом проявляется стремление увязать сущность экстремизма с тем объектом, против которого он направлен. В этом плане характерна трактовка, применяемая в отечественной политологии [97, с. 16]: – «экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) – это приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)» [18].

Отличительными чертами политического экстремизма являются пропаганда и использование насилия, а также других крайних средств для достижения любых политических целей [12].

Однако предлагаемое понимание данного явления не раскрывает всей сущности экстремизма. Согласно ст. 1 Федерального закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. Федерального закона от 24.07.2007 N 211-ФЗ) «экстремистская организация – это общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности» [143].

Наиболее четкое правовое определение экстремизма было дано В.И. Власовым: «...это негативное явление, исходящее из крайних взглядов, приверженности к крайним мерам, проявляющееся в деятельности радикальных субъектов по планированию, организации, подготовке и совершению запрещенных законом общественно опасных действий или в деяниях аморальных, совершаемых с политическими, националистическими целями или на почве расовой, религиозной вражды (ненависти)» [43].

Психологический, личностно ориентированный подход, дает определение экстремизма как формы политического поведения индивида, характеризующейся сильным эмоциональным компонентом [49, с. 141].

Непосредственные истоки теоретических обоснований концепции экстремизма следует искать в периоде зарождения современной формы парламентской демократии. Ш.Л. Монтескье использовал определение «крайний» при разборе деспотии, для которой характерно полное подчинение, и прямой демократии, рискующей превратиться в деспотию одиночек [112], при чем подчеркивал, что данных крайностей следует избегать сторонникам наилучшего политического устройства. По словам Б. Хоффмана, это противопоставление является прообразом разделения экстремизма на «левый» и «правый», которое стало актуальным с возникновением термина во время французской революции XVIII века, и связано с расстановкой политических сил в Национальном собрании Франции периода 1789-1799 годов. Именно с первой французской революцией связана поляризация мнений политиков и исследователей политики относительно терроризма, наиболее полно отраженная во мнениях М. Робеспьера, убежденного сторонника террора, и Э. Берка, отвергавшего революционный террор как метод политической борьбы [152].

Многое свидетельствует о том, что проблема экстремизма лежит в плоскости проблем развития культуры. Возрастание экстремистских тенденций особенно заметно в периоды культурного и морального упадка [54, с. 78-82]. Традиционалистская сторона культуры, сконцентрированная в канонах и обрядах, обычаях и традициях, знаниях и умениях, призвана служить примером и образцом творческого самовыражения человека. Она предохраняет от ошибок и случайностей, подстерегающих на пути развития. В этой части культура доводит обретенные людьми навыки до полного автоматизма, с тем, чтобы разгрузить психику человека, освободить ее от контроля за тривиальными и рутинными элементами деятельности, переориентировав на решение новых неординарных задач [141, с. 117]. Рассогласование различных сторон культуры, ее консервативно-традиционалистского и поисково-экспериментального аспектов ведет к экстремизму.

В.Н. Томалинцев рассматривает экстремизм как одну из форм отчуждения, прежде всего от общечеловеческих, общекультурных ценностей [140, с. 4]. Л.С. Рубан в своей статье «Девияция как проблема безопасности» говорит о том, что самой опасной формой девиантного поведения является посягательство на социально-политические и нравственные устои общества, а также личную безопасность и благополучие его граждан [123].

О.С. Осипова подчеркивает необходимость противопоставления позитивного или созидательного вида девиации и деструктивного или агрессивного. Основным критерием водораздела должна являться не форма реализации девиантного поведения, в частности наличие атрибута насилия, а уровень справедливости перераспределения источников пополнения жизненной энергии [106]. Политическая проекция деструктивного вида девиации может лежать в основе феномена политического экстремизма. По словам О.С. Осиповой, «данный вид девиации нацелен на преодоление фрустрации путем неадекватного в сложившейся ситуации перераспределения социальных благ, достижение цели без учета интересов окружающих людей,

несправедливое решение проблемы в пользу одной из взаимодействующих сторон за счет ухудшения адаптационных условий другой» [106].

В научных изысканиях по-разному расставляются акценты в отношении природы экстремистской направленности поведения личности [28, с. 36]. Так называемая «социальная» парадигма природы экстремизма включает большое количество подходов, которые различаются оценками роли и механизма влияния тех или иных социальных (в самом широком смысле) факторов, обуславливающих экстремизм. Человек в ней рассматривается как изначально доброе по своей природе существо, тяготеющее к коллективному способу бытия, взаимопомощи и сотрудничеству с себе подобными. Экстремизм же представляется в целом прямым следствием несправедливых общественных условий. В радикальной трактовке человек предстает в роли пассивного пленника обстоятельств и внешних воздействий. Однако в этом случае мы оказываемся в затруднительном положении, находясь перед необходимостью объяснить тот факт, что различные люди в одной и той же ситуации могут вести себя по-разному.

Многое, так или иначе, говорит о том, что предпосылки экстремистского поведения находятся не только вне, но и внутри самого человека и определяются его психофизиологическими особенностями [155, с. 16]. Поскольку уничтожение, разрушение нередко становятся для экстремиста самоценностью, наиболее приятным и необходимым психологическим состоянием [140, с. 15], экстремизм можно рассматривать как некую способность, истоки которой, как и любой другой способности человека, лежат в природных свойствах субъекта, в особенностях его нервной системы, психики, эмоционально-чувственного склада. Готовность к террористическому насилию, как и к любому насилию, коренится в органической склонности человека к агрессивности и разрушительным инстинктам. У разных людей эти качества могут быть выражены с разной силой и в той или иной мере изменены существующими правовыми и нравственными нормами, воспитанием и культурой, но не в одинаковой мере и не одинаково эффективно [37]. Можно сказать, что насилие представляет собой способ принуждения субъекта поступать наперекор его собственной воле, интересам, целям и выбору, и действовать, так или иначе, в ущерб себе [80].

Человеку, как и всем животным, по мнению К. Лоренца присущ инстинкт борьбы, который нельзя рассматривать лишь как реакцию на определенные внешние условия и его главная опасность заключается в его спонтанности [90]. В политике инстинкт борьбы в своих крайних формах реализуется в феномене экстремизма. Однако следует подчеркнуть, что политический экстремизм не сводится к природной агрессивности, представленной в человеке в виде инстинктов, в большинстве случаев он связан с актом сознательной воли, с поиском оправдывающих оснований, апеллированием к справедливости, праву, нравственности. С другой стороны, лишь наличие определенных условий делает человека агрессивным.

Психологическим стимулом на пути к экстремизму выступает страх перед чужим, который основан на неуверенности в своих собственных силах. Побудительным мотивом и одновременно закрепляющимся стереотипом

поведения, направленным на противодействие чужим влияниям и на их изоляцию, выступает отсутствие доверия и взаимопонимания [57, с. 381-382].

К психологическим причинам, играющим большую роль в формировании экстремизма, относятся: чувства и настроения, поведенческие установки, непосредственно мотивирующие экстремистские действия. Экстремистские установки поведения характеризуются убеждением, что только насильственными жестокими мерами и действиями возможно радикальное исправление нестерпимой ситуации, критического положения, в котором оказалась социальная группа в результате социального кризиса [57, с. 397].

Склонные к экстремизму личности обладают высоким порогом невосприимчивости и нечувствительности. Специфическая экстремистская убежденность личности складывается на почве различного рода отклонений от нормальной логики рассуждения и познания реальности. Действительность относится большей частью ко лжи, а экстремистская идея – к истине. Это упрощенное видение мира не способно отразить сложность и противоречивость действительности. Отсюда враждебное отношение экстремистской идеологии к любой критике. По словам А.М. Верховского, обращает на себя внимание определение экстремизма через его агрессивное поведение [33, с. 12].

Среди эмоциональных переживаний экстремиста преобладают страх, отвращение, презрение, гнев и извращенная радость. Страх, как базовая эмоция экстремиста, вызван несоответствием действительности его представлениям и желанием, сопровождаемым предположением о том, что мир враждебен этим представлениям и люди будут агрессивно бороться против попыток навязать им экстремистские идеалы и изменить мир в соответствии с ними. Ненависть к миру приносит ему извращенную радость и наслаждение.

В системе чувств экстремиста можно выделить четыре основных: любовь к своей идее, которой экстремист предан безраздельно; любовь к самому себе как носителю и исповеднику высшей истины; ненависть к людям, не разделяющим экстремистской идеи, выступающие как принципиальные враги; ненависть к существующему испорченному миру, поскольку он противоречит экстремистским идеалам [57, с. 408-410].

Центральная роль в формировании экстремистских эмоциональных переживаний принадлежит не генетическим порокам нервной системы, не органическим поражениям высшей нервной деятельности, а формированию у личности в условиях неблагоприятной социальной среды экстремистской направленности и, прежде всего, экстремистских убеждений.

Экстремистские способности даны человеку в задатках, также как и творческие (экстремальные). На уровне обыденного сознания опасно непонимание места и сущности творчества, неумение отличить истинно творческое от малозначимых новаций. Неспособность соотносить эти вещи нередко ведет к внутренней опустошенности, растерянности перед жизнью, что является питательной средой для возникновения нигилизма, цинизма, чувства вседозволенности, влияет на формирование ложных идеалов или

извращение истинных. Ярким примером этому служат такие крайние анти-социальные проявления, как хулиганский инфантилизм, вандализм, немотивированное насилие, представляющие собой извращенные формы удовлетворения потребности в самовыражении, имеющие в основе своей ложно ориентированные и глубоко формализованные идеалы [155, с. 16].

Экстремальные задатки в процессе жизни в зависимости от условий социокультурной среды могут быть раскрыты частично или полностью, либо в большей или меньшей мере сняты, нейтрализованы. Таким образом, человек постоянно находится как бы между молотом и наковальней: между влиянием внешней среды (социокультурный фактор) и воздействием собственной природы (психофизиологический фактор). При изучении экстремума человеческого существования необходимо учитывать оба эти момента в их тесном взаимодействии [155, с. 18].

Маргинальные слои, представители националистических и религиозных движений, недовольные существующей политической реальностью интеллигенция, молодежь, студенчество, военные составляют социальную базу экстремизма [105; 114, с. 387]. Тяжелые экономические проблемы, затяжные насильственные этнополитические конфликты, быстрые социально-культурные изменения или совокупность этих факторов имеют колоссальное фрустрирующее психологическое воздействие – они блокируют удовлетворение жизненно важных базовых потребностей людей [130, с. 16]. Экстремизм как специфическая направленность личности и эмоциональное переживание – это не психическая болезнь, а реакция личности на критические, чрезвычайные социальные ситуации, выражающаяся в социальной дезадаптации, связанной с невозможностью социальной самореализации и социального творчества. Анализ экстремистского типа поведения позволяет большинству ученых сойтись во взглядах на том, что рост экстремистских тенденций – это, в первую очередь, социально детерминированное явление, что находит свое выражение в нарушении социальных связей и отношений [28, с. 41].

С одной стороны, такого рода нарушения отношений личности с социальной средой, характеризующиеся ее неудовлетворенностью социальным статусом, низкой готовностью или неспособностью конструктивно и социально полезным образом реализовать собственные потребности, цели и ценности посредством взаимодействия с другими людьми, социальными группами, общностями и социальными институтами, является социальной болезнью. С другой стороны, экстремизм, как приверженность к крайним мерам и взглядам, реализуемых в насильственных проявлениях, совершаемых отдельными лицами и специально организованными противоправными группами и сообществами, отражает нарастание патологических явлений в современном обществе [28, с. 41], «... является одним из проявлений больного общества ... и способен, как вирус, меняться в зависимости от возникающей обстановки» [164].

Экстремизм не является четким и единым феноменом. В качестве базовых способов выделения различных форм экстремизма удобно использовать подходы, развитые в работах Н.Н. Афанасьева и В.Н. Томалинцева.

Н.Н. Афанасьев предлагает выделять шесть основных форм экстремизма в зависимости от сфер жизнедеятельности общества: экономический, национальный, политический, религиозный, экологический и духовный экстремизм [9; 23, с. 905].

В свою очередь экономический экстремизм направлен на уничтожение многообразия и установления какой-либо одной формы собственности, единых методов ведения хозяйства, полный отказ от принципов государственного регулирования экономической сферы, резкое сокращение социальных расходов, наступление на социальные завоевания трудящихся, устранение конкуренции в предпринимательской деятельности и др. Националистический экстремизм отвергает интересы и права других наций. Он органически связан с сепаратизмом, так как последний всегда направлен на развал многонационального государства, утверждение господства какой-либо нации. Националистический экстремизм в той или иной форме всегда присутствует в многонациональном обществе [17, 30]. Религиозный экстремизм проявляется в нетерпимости к представителям других конфессий или жестком противоборстве в рамках одной конфессии (мусульманских и христианских общин в Ливане и Судане, фундаментализм). Экологические экстремисты выступают не только против эффективной природоохранительной политики, но и против научно-технического прогресса вообще, считая, что ликвидация неблагоприятных в экологическом отношении производств – единственно возможный путь улучшения качества окружающей среды. Духовный экстремизм ориентирован на изоляционизм, отвергает опыт, движение другой культуры, навязывает в качестве официальной идеологии определенные социальные, этнические стандарты [114, с. 387]. Политический экстремизм является характерным объективным показателем высокой политической напряженности в обществе. В условиях обострения политической борьбы между различными силами экстремизм выглядит, как чуть ли не единственная форма решения возникающих проблем. Однако эта форма не может быть признана легитимной в области правоприменительной практики. Неумение, а порою и нежелание отдельных субъектов представлять свои растущие интересы, стремления и амбиции в правовых формах и в легальных органах власти, подталкивает их на скользкий и быстрый путь экстремизма, чреватый эскалацией жестокости и насилия [81].

Эти формы экстремизма являются идеальными типами. В социальной реальности они практически не встречаются в чистом виде, а как бы дополняют друг друга, сплетаются, образуя причудливую картину проявлений экстремизма [9]. Левый экстремизм заимствует идеи революционаризма, анархизма, объявляет себя наиболее последовательным выразителем и защитником трудящихся масс, всех обездоленных, неимущих. Объектами их критики является социальное неравенство, подавление личности, эксплуатация, бюрократизация в обществе, устранить которые они готовы любыми средствами, вплоть до вооруженных выступлений. Часть левых экстремистских организаций находится на нелегальном положении, ведет партизанскую войну, совершает террористические акты, захват заложников.

Проблемы терроризма раскрывают монографии А.С. Грачева, большинство которых направлено на критику концепций западных ученых. Для всех зарубежных капиталистических стран А.С. Грачев выделяет общие причины возникновения рассматриваемого явления: новое обострение экономических и социальных противоречий капиталистической системы в 70-е годы резко увеличило категорию недовольных, «отверженных», образующих питательную среду для экстремистских настроений [51, 52]. По оценке итальянского социолога Л. Феррайоли, синдром терроризма и вооруженного насилия явился результатом стабилизации и политической интеграции социальных конфликтов, характерных для позднего капитализма, и представляет собой разновидность невроза. По мнению Ч. Ломброзо и английского социолога К. Уилсона природу политического экстремизма можно обосновать с точки зрения «невротического протеста личности» против разных стрессовых факторов, к которым ей часто бывает трудно адаптироваться [51, с. 5].

В отечественном законодательстве терроризм определяется следующим образом [144]: «терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Значительное количество научных работ по левому экстремизму принадлежит В.В. Витюку [38, 40]. Автор особо подчеркивает невозможность относить данное движение к левому флангу оппозиции [38, с. 13], фактическое отсутствие идейно-теоретической базы. Он говорит о том, что основной движущей силой левого экстремизма является неприятие людьми существующего положения вещей, а также убежденность в необходимости его изменения.

Значительный вклад в становление психологического подхода к изучению левого экстремизма внес С.А. Эфиров. Среди доминантных характеристик сознания экстремиста он выделяет крайний фанатизм, мифологизацию действительности и ультранигилизм.

В.В. Витюк и С.А. Эфиров в своей работе отмечали, что левый экстремизм изначально представлял собой попытку установить справедливый общественный порядок наиболее быстрыми и радикальными средствами. Эта концепция говорила о том, что для достижения освободительной цели доступны любые средства [42, с. 189]. Большое внимание авторы уделяют феномену «студенческой революции», в недрах которой и зародился ультралевый терроризм [41, с. 146].

Йорг Шмидт (Schmid J.) и Карл Шмитт (Schmitt C.), занимаясь исследованием партизанских войн, сыграли существенную роль в создании теоретико-методологической базы австро-германского направления. Так, К. Шмитт первым взял работы лидеров левого движения за основу классификации партизанских войн [189, с. 38-70]. Публицист западной Германии Г. Машке (Maschke G.) представил методологически схожую работу [183].

В его исследованиях терроризм и партизанская война выступают атрибутами из арсенала левых движений во всем мире.

Психолог Р. Гессарт-Матичек говорил о том, что существенную роль в возникновении терроризма играют личностные свойства человека, он даже называл терроризм «революцией помешанных» [цит. по 41, с. 147]. Социолог К. Кюхнерт говорит о кризисе, заболевании западного общества. О чем свидетельствуют безработица, трудности с устройством на работу молодых специалистов, ограничение прав и свобод граждан, а также взаимное отчуждение, равнодушие людей друг к другу, острые межпоколенческие конфликты, ориентация общества на потребительство, что является антигуманным [41, с. 148].

Обратимся к тезису Г.Й. Шнайдера о том, что основной целью террористических актов является воздействие на «целевые группы», ради достижения от них нужной реакции. Г.Й. Шнайдер, говоря о причинах терроризма, отмечает следующее: «Внезапность совершения насильственных терактов вызывает ошибочное, но очень распространенное мнение, будто терроризм возникает сразу, без подготовки. На самом деле он рождается и вызревает в долгих социальных и личностных процессах. И типичного террориста тоже не существует. Причины терроризма лежат в общественном развитии, в групповых явлениях и в индивидуальных карьерах...» [160, с. 442].

Одним из наиболее известных специалистов в изучении теории терроризма и партизанских войн в англо-американской науке является Уолтер Лакёр (Laquer W.) [181]. В обобщенном виде его взгляды выражены в статье «Двенадцать тезисов о герилье» [181; 182, с. 157-166], где У. Лакёр, анализируя различные формы и методы партизанских войн, пишет о том, что городская герилья, по сути, тоже самое, что и термин городской терроризм, имеющий негативный имидж у общественности. Терроризм в городе может привести к подрыву только слабых правительств или ускорить этот процесс, но он не может быть инструментом непосредственного захвата власти. К террору прибегают только некоторые и самые радикальные группы [182, с. 165]. По мнению У. Лакёра и Б. Крозье, терроризм представляет собой мотивированное насилие с политическими целями.

Как отмечают У. Бакес и Э. Йессе, в современном высокоразвитом обществе экстремизм имеет слабую базу, но: «...питательной средой для него являются недостатки существующей демократии, о чем свидетельствуют политические аферы и скандалы последних лет, используемые экстремистами для разжигания в народе недоверия к существующей системе» [11, с. 7].

Из вышесказанного следует, что, как в случае с понятием «экстремизм», понятие «терроризм» различными исследователями трактуется и как действие и как идеология [137, с. 24].

Правые экстремисты (фашистские, неофашистские, ультраправые, националистические, расистские движения, организации, партии, такие, как «Русское национальное единство» в России) критикуют современное общество за «отсутствие порядка», «упадок нравов», эгоизм, потребительство

и др. [114, с. 388-389]. Ультраправые экстремисты ведут борьбу с прогрессивными общественными организациями и политическими деятелями («Лига защиты евреев» в США, «Антикоммунистический альянс Аргентины», и др.)

Термин «фашизм», который является характерным примером праворадикальной идеологии в XX в. употребляется в трех значениях: 1) для обозначения одного из видов праворадикального движения и присущей ему идеологии; 2) для обозначения конкретной формы такого движения и идеологии в Италии; 3) как название одного из основных типов тоталитарного политического режима [83, 84, 121]. По определению, данному в 1995 г., РАН в соответствии с указом Президента Р.Ф.: «фашизм – это идеология и практика, утверждающая превосходство и исключительность определенной нации и расы, и направленная на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов, отрицание демократии, установление культа вождя, применение насилия и террора, для подавления политических противников и любых форм инакомыслия, оправдание войны, как средства решения межгосударственных проблем» [32, с. 10]. Социальной базой фашистского движения в 20-30-е гг. XX века был низший слой среднего класса, который, в свою очередь, отличался низким уровнем образования, характеризовался верой в различные суеверия, предрассудки, предубеждения, ненавидел крупный капитал и организованное рабочее движение. Фашистские лидеры активно пользовались политическим опытом своих противников. У европейских социал-демократов и коммунистов они заимствовали практику создания массовых партий и движений, у русских большевиков – технологию захвата власти и создания однопартийной диктатуры [84, 113]. Всего было три варианта фашизма, находившегося у власти: итальянский «нормальный» фашизм, немецкий «радикальный» фашизм и фашизм «сверху» в балтийских странах, Польше, Венгрии, Румынии, а также в Испании и Португалии [36].

Фашизм можно представить как совокупность различных психологических реакций простого человека. В. Райх, говоря о расовых предрассудках, обращает внимание на то, что их можно связать с иррациональной составляющей характера человека [120].

Известный современный итальянский философ Умберто Эко в своей книге «Пять эссе на темы этики» выражает озабоченность неонацистскими движениями, «возникающими повсеместно по Европе и, в частности, в России». В статье «Вечный фашизм» [162] У. Эко выделяет ряд признаков фашистской идеологии, которые сейчас мы слышим в риторике лидеров некоторых политических партий. Их призывы падают на благодатную почву в среде социально незащищенной молодежи. И поэтому в наше время очень важно говорить с молодыми на эту тему, открывать глаза на истинную сущность обсуждаемых явлений, не допускать манипулирования их сознанием. Социально-экономический кризис начала 90-х годов XX века, породивший рост социального неравенства, неконтролируемые миграционные процессы, развал системы внешкольного образования и воспитания детей и молодежи, их досуга, создание агрессивной информационной среды (в ряде

СМИ, ТВ), вызвали и в России выступления в молодежной среде, носившие ксенофобский, националистический, экстремистский характер. Носителем этих идей явилось российское скин-движение [107, с. 7]. Скинхедов можно определить, как фашистскую молодежную субкультуру, которая, зародившись в Великобритании, нашла благоприятную почву в России. Россия – многонациональное государство с тысячелетней историей, и это позволяет надеяться на то, что благодаря участию каждого из нас такое явление, как фашизм, получит достойный отпор и не будет отравлять сознание вступающих в жизнь молодых людей [107, с. 8].

В.Н. Томалинцев подчеркивает различие явных и скрытых форм экстремизма. «От явных форм экстремизма, подобных открытому террору, действия которого прямолинейны и однообразны (взрывы, поджоги, захваты заложников и т.д.), скрытые формы экстремизма отличаются особой изощренностью и, в первую очередь, в области манипуляции индивидуальным и общественным сознанием. Они предполагают не только скрытность и неожиданность действия, но и подставку фактов, мнимую случайность, подстрекательство» [140, с. 27]. Латентные (скрытые) формы существования политического экстремизма могут проявляться в виде растущего потенциала массового недовольства, способного переходить в акты неповиновения и прямого насилия с неопределенной политической мотивацией. Примером могут послужить факты коррупции в органах государственной власти, скрытная продажность ряда решений, полномочий и должностей, не получающая соответствующей правовой оценки государства и морального осуждения в обществе [23, с. 905; 81].

Хотя у экстремизма много разновидностей можно выделить их общие черты: угроза насилия или само насилие, обычно вооруженное; восприятие общественных проблем в одномерной плоскости, а также поиск путей их решения; фанатизм и стремление навязывать свои принципы и взгляды оппонентам; некритичное, беспрекословное выполнение всех инструкций и приказов; опора на чувства, стереотипы, предрассудки, а не на разум; интолерантность, неспособности идти на компромиссы, либо их игнорирование [114, с. 389; 57, с. 354].

Злой умысел выступает, как существенный признак экстремизма. Экстремизм характеризуется наличием крайних, неоправданных форм насилия. Лишь те действия, которые превышают необходимую степень воздействия, независимо от того, какие средства используются – физическое насилие, моральное принуждение, экономическое давление, можно назвать экстремистскими [141, с. 86].

В криминалистическом плане большое значение придают тому факту, что преступления экстремистского характера имеют нетрадиционную структуру [66]. Исследования показали, что преступления, имеющие традиционную структуру, представляют собой конфликт, в котором участвуют только две стороны: потерпевший (лицо, которому причинен вред) и виноватый (субъект преступления). Если же рассматривать структуру конфликта при совершении преступлений экстремистского характера, то сторон конфликта всегда три. В качестве самостоятельной стороны конфликта

включают представителей тех групп, на которые преступником (преступниками) оказывается воздействие. Средством воздействия на третью сторону конфликта выступают посягательства на потерпевшего, его права и законные интересы. Именно такое воздействие и выступает в качестве основной цели преступлений экстремистского характера. Третья сторона может быть образована лицами, которых объединяет принадлежность к той или иной религии, социальной группе и т. п., т.е. могут представлять лица определенной национальности и расы [79, с. 163-165].

Таким образом, феномен экстремизма является сложным социально-психологическим явлением, требующим глубокого анализа. При рассмотрении предпосылок экстремистского поведения необходим учет как социально-культурных, так и психофизиологических факторов, среди которых следует особо выделить эмоционально-чувственные и нравственно-психологические. Психологическими механизмами экстремизма выступают страх перед чужим, основанный на неуверенности в своих силах, а также недоверие и отсутствие взаимопонимания с другими людьми, что является основой для проявления агрессивности. Кроме того, обращаясь к проблеме происхождения экстремизма, следует учитывать конкретные социальные причины, способствующие возникновению именно данной формы экстремизма.

1.2. Отношение к проявлениям экстремизма как предмет психологического исследования

Понятие отношения возникает там, где есть субъект и объект отношения. Именно у человека такой характер связи выступает с полной отчетливостью. На проблему отношений впервые обратил внимание А. Ф. Лазурский, который разделяет психологические качества на две группы: эндопсихических (внутренний психический механизм, основанный на нервно-физиологической организации) и экзопсихических свойств (основанные преимущественно на приобретенном опыте отношения человека к окружающему, включая его отношение к самому себе) [103, с. 49].

Под психическими отношениями В.Н. Мясищев понимает внутреннюю сторону связи человека с действительностью, которая содержательно характеризует личность как активного субъекта с его избирательным характером внутренних переживаний и внешних действий, направленных на различные стороны объективной действительности. Отношения связывают человека со всеми сторонами действительности, но при всем многообразии сторон объективной действительности можно выделить три ее основные категории: 1) явления природы или мир вещей, 2) люди и общественные явления, 3) сама личность как субъект деятельности [102; 103, с. 88]. Деятельность и поведение одной и той же личности в каждый данный момент определяются ее отношениями, вытекающими, из истории развития личности, т.е. из всей объективной общественно-исторической действительности,

выражая ее личный опыт и внутренне определяя ее действия и переживания [103, с. 48-49; 118].

Отношения связывают человека не столько с внешними сторонами объектов, сколько с самими предметами в целом. Психическое отношение выражает активную, избирательную позицию личности, определяющую индивидуальный характер деятельности и отдельных поступков [103, с. 88]. В отношении к предмету или лицу могут выявляться разные стороны в связи с отрицательными или положительными свойствами объекта. В силу того, что свойства объекта существуют для всех людей, а действия и переживания, вызываемые этим объектом у разных людей, избирательны и различны, очевидно, что источник особенностей переживания и действий лежит в самом человеке как субъекте отношений и связан с особенностью его индивидуального опыта. Таким образом, существенным и характерным является индивидуально избирательный характер связей [101; 103, с. 71].

Концепция В.Н. Мясищева, понятие личностного смысла у А.Н. Леонтьева и направленность личности в работах Л.И. Божович, хотя и возникли вне рамок этой проблемы, являются близкими концепциями и понятиями к идее социальной установки в отечественной психологии [131, с. 61].

У многих исследователей присутствует идея выявления особых состояний личности, предшествующих ее реальному поведению. Следует заметить, что, прежде всего, этими вопросами занимался В.Н. Мясищев в концепции отношений человека. В.Н. Мясищев обращал внимание на то, что отношение представляет собой системообразующий элемент личности, который предстает как система отношений. Под влиянием общественных отношений, которыми личность неизбежно связана с окружающим ее миром в целом и обществом, в частности, происходит формирование самих отношений личности. Отношение, выступающее как единая связь субъекта с объектом, имеет структуру, компоненты которой могут выступать как частичные отношения, его стороны, отдельные виды. Можно назвать ряд признаков, которыми определяется отношение: избирательность, активность, целостно-личностный характер, сознательность.

В.Н. Мясищев выделяет в отношении следующие стороны: «эмоциональная», «оценочная» (когнитивная, познавательная) и «конативная» (поведенческая). Характер жизненного взаимодействия личности с окружающей средой и людьми определяет каждую сторону отношений. Формированию эмоционального отношения личности к объектам внешней среды, другим людям, а также самому себе способствует эмоциональный компонент отношений, восприятию и оценке (осознанию, пониманию, объяснению) объектов окружающей среды, людей и самого себя способствует познавательный (оценочный) компонент. Эмоция является обязательным компонентом отношения. Без эмоции нет отношения или, лучше сказать, существует то, что называется безразличием и равнодушием [103, с. 47]. Осуществлению выбора стратегий и тактик поведения личности по отношению к значимым для нее объектам внешней среды, другим людям и самому себе способствует компонент поведенческий.

Виды отношений, прежде всего, разделяются на положительные и отрицательные как с точки зрения эмоциональной, так и рациональной оценок. Через потребности выражается поведенческая сторона отношений в силу того, что сама потребность, указывая на свой предмет, дает тем самым косвенное указание на способ достижения этого конкретного предмета. Посредством проявления различных чувств – привязанности, симпатии, любви, и противоположных по знаку чувств (неприязнь, антипатия, вражда) происходит выражение эмоциональной стороны отношения. Оценочная (познавательная) сторона отношения проявляет себя через принятые личностью моральные ценности, выработанные убеждения, вкусы, склонности, идеалы, а доминирующим отношением, который подчиняет себе другие и определяет жизненный путь человека, является направленность. Через уровень сознательного отношения к окружающему и самосознание как сознательное отношение к самому себе определяется высшая степень развития личности и ее отношения [118].

В специфической теоретической схеме процессы усвоения социального опыта анализируются в работах Л.И. Божович. При исследовании формирования личности в детском возрасте ею было установлено, что направленность складывается как внутренняя позиция личности по отношению к социальному окружению, к отдельным объектам социальной среды. Даже если учесть, что эти позиции могут быть совершенно разными в отношении многообразных ситуаций и объектов, тем не менее, в них можно зафиксировать некоторую общую доминирующую тенденцию, что дает возможность прогнозировать поведение в неизвестных до этого ситуациях по отношению к неизвестным ранее объектам. Л.И. Божович (1968) считает, что личность человека представляет собой относительно устойчивую психологическую систему, которая имеет логику развития и свои закономерности. Незрелость волевых качеств, к которым можно отнести нерешительность, неустойчивость поведения, зависимость от ценностей и др., приводит к блокировке развития личности, внутренним конфликтам. Внутренний конфликт переживается как конфликт с самим собой. По ее мнению, психологически зрелую личность можно описать, как человека, достигшего определенного уровня развития, основной чертой которого является способность вести себя независимо от непосредственно воздействующих на него событий и обстоятельств, и даже против них, руководствуясь своими собственными сознательно поставленными целями [19]. Направленность личности также можно рассмотреть, как особую предрасположенность личности действовать определенным образом, которая охватывает всю сферу жизнедеятельности личности, вплоть до самых сложных социальных объектов и ситуаций. Интерпретация направленности личности в данном контексте дает возможность рассмотреть это понятие как однопорядковое с социальной установкой.

В свою очередь, и отношения, и установки В.Н. Мясищев рассматривает как интегральные психические образования, возникающие в процессе индивидуального опыта. Установка по сравнению с отношением бессознательна, а отношение, напротив, сознательно, хотя, по словам В.Н. Мясищева, мотивы

или источники его могут не осознаваться. Еще одно отличие отношения от установки заключается в том, что установка характеризуется готовностью, а отношение – избирательностью [103, с. 47].

А.Н. Леонтьев, раскрывая содержание понятия смысла, трактует его как «отношение мотива деятельности и ее цели» [86]. Здесь ключевое слово – отношение – имеет предельно широкое толкование. А.Н. Леонтьев говорит о том, что отражающееся у человека объективное отношение того, что побуждает его действовать, к тому, на что его действие направлено (непосредственный результат) создает конкретно-психологический сознательный смысл. Личностный смысл не совпадает с жизненным смыслом. Жизненный смысл представляет собой объективную характеристику отношений объектов и явлений действительности к жизнедеятельности субъекта, в свою очередь, личностный смысл выступает как форма субъективного отражения этого отношения в сознании субъекта. Специфическая эмоциональная окраска значимых образов восприятия и представления иллюстрирует понятие личностного смысла. Мы замечаем что-то, вспоминаем или думаем о чем-то с радостью, грустью, с отвращением и т.д.; эмоции сообщают нам непосредственную оценку значимости сопровождаемых ими образцов, т.е. оценку соответствующих объектов и явлений к реализации потребностей субъекта. Эмоции – это своеобразная форма отражения, однако это «вторичное» отражение определенных характеристик самого чувственного образа, а именно тех, которые выражаются понятием «личностный смысл». Значимая функция переживаний состоит в наведении субъекта на действительный источник их возникновения, они сообщают о личностном смысле событий, происходящих в жизни человека [63, с. 68-69]. Говоря о лично-смысловой трансформации образа, Д.А. Леонтьев дополняет и уточняет известные положения о влиянии на восприятие мотивов и установок личности. Он подчеркивает то обстоятельство, что личностный смысл характеризует само содержание образа; процессам познавательной деятельности, участвующим в построении образа, соответствует другой вид смысловых структур, а именно смысловые установки. Таким образом, личностный смысл объектов и явлений окружающей действительности представляет собой составляющую образов восприятия и представления соответствующих объектов и явлений, отражающую их жизненный смысл для субъекта и преподносящую его субъекту посредством эмоциональной окраски образов и их трансформаций [63, с. 75].

Рассматривая функциональный аспект смысла, следует отметить, что под личностным смыслом понимаются конкретные ценности, помогающие повышению и сохранению привлекательности жизни для данного человека, его привязанности к ней. А смысл жизни – это целостное отношение человека к ней как к привлекательной ценности [там же, с. 93]. Таким образом, А.Н. Леонтьев в понятии личностного смысла выделяет, прежде всего, личностный характер восприятия человеком объектов реального мира и его отношения к ним.

Ю.М. Антонян указывает на то, что глубокий анализ и правильная оценка поступков человека может быть достигнута только с учетом

психических состояний личности, которые оказывают серьезное влияние на восприятие ситуаций и образ действий [6, с. 36; 7]. Действительно, эмоции – необходимый атрибут мотивации, а мотивы и потребности личности тесно связаны с ее ценностными ориентациями, которые и определяют процесс возникновения целей и намерений личности. Н.И. Рейнвальд отмечает, что ценностные ориентации являются «зеркальным» отражением мотивов и потребностей личности. Необходимость рассмотрения ценностных ориентаций связывают с тем, что направленность, находящаяся в тесной связи с мотивами, является «социальным регулятором поведения» [6, с. 16].

По нашему мнению, возможно рассмотрение системы отношений аналогично структуре социальной установки, исходя из ее трех основных компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого. На сегодняшний день в социальной психологии чаще используют определение социальной установки, которое дал Г. Олпорт (1924): «... социальная установка – это состояние психологической готовности личности вести себя определенным образом в отношении объекта, детерминированное ее прошлым опытом» [117, с. 351; 131, с. 60-61].

Социальная установка формируется на основе собственного жизненного опыта индивида и опыта, получаемого от других людей. Словесная (вербальная) форма является главным путем передачи установок. Когда индивид в своем личном опыте имеет дело с отдельным объектом, такие установки называют частными (парциальными). Установки на совокупность однородных объектов называют обобщенными. По модальности социальные установки делятся на положительные («за» объект), нейтральные и отрицательные.

В качестве одного из факторов изменения установок исследовалось воздействие средств массовой коммуникации. Под влиянием новой информации и рациональной аргументации в ней могут произойти изменения как по модальности, так и по интенсивности. Так, оценка в отношении объекта может измениться с положительной на отрицательную, и вместе с ней меняется поведение индивида [117, с. 353].

Система социальных установок выполняет функцию регуляции социального поведения человека в целом, его взаимодействия с социальной средой во всех возможных проявлениях. Взаимосвязанными, взаимозависимыми и нередко противоречивыми компонентами этой сложной системы оказываются социальные установки. С точки зрения социальной и личностной значимости, отдельные социальные установки занимают в системе «неравноправное» положение и образуют своего рода иерархическую структуру.

Обратимся к диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности В.А. Ядова (1975). В ней выделены четыре уровня диспозиций как образований, регулирующих поведение и деятельность индивида. К первому уровню относятся просто установки, которые в понимании Д.Н. Узнадзе регулируют поведение на простейшем, преимущественно бытовом уровне; ко второму следует отнести социальные установки, которые, по мнению В.А. Ядова, вступают в действие на уровне малой группы; третий

уровень включает общую направленность интересов личности (базовые социальные установки), отражающую отношение индивида к его основным сферам жизнедеятельности (профессия, увлечения и т.п.); на четвертом, высшем уровне располагается система ценностных ориентаций личности [131, с. 63].

В реальной жизни для каждого индивида существует своя собственная, субъективная иерархия социальных установок по критерию их психологической значимости только для него одного, которая не всегда совпадает с социально значимой иерархией. В концепции личностных смыслов социальных объектов А.Н. Леонтьева (1972) можно найти объяснение и подтверждение подходу к проблеме иерархии социальных установок. Из этой концепции видно, что одни и те же социальные объекты, которыми могут выступать какие-либо события, процессы или явления, имеющие однозначную интерпретацию с позиций норм и ценностей общества, приобретают различный личностный смысл для отдельных индивидов.

Также следует обратиться к видам социальных установок. Часто выделяют особый вид социальной установки – перцептивную, означающую predisposedness индивида к определенной интерпретации воспринимаемых элементов действительности. К другим двум важным разновидностям социальной установки относятся стереотипы и предрассудки, которые представляют собой относительно закрытые от влияния нового опыта формы существования социальной установки. Именно содержанием своего когнитивного компонента отличаются стереотипы и предрассудки от обычной социальной установки.

Стереотип – это социальная установка с застывшим, нередко обедненным содержанием когнитивного компонента. Говоря о стереотипном мышлении, обычно имеют в виду упрощенность и ограниченность представлений человека о тех или иных объектах окружающей действительности или о способах взаимодействия с ними, а также их поверхностность. Как форма экономии мышления и действий в отношении достаточно простых и стабильных объектов и ситуаций стереотипы полезны и необходимы. Адекватное взаимодействие с объектами окружающей реальности и различными ситуациями возможно на основе привычных и подтверждаемых опытом представлений. Стереотип может стать тормозом в процессах взаимодействия личности с действительностью там, где объект по каким-либо причинам изменился или требует творческого осмысления, а представления о нем остались прежними. Можно сказать, что нормальная социальная установка может превратиться во вредный стереотип. Другими причинами возникновения стереотипов обычно бывают недостаток знаний, догматичное воспитание, неразвитость личности или остановка по каким-то причинам процессов ее развития [131, с. 64]. Гендерные стереотипы являются частным случаем стереотипа и обнаруживают все его свойства. Гендерные стереотипы выполняют обобщающую функцию, которая состоит в упорядочивании информации [34]. Можно назвать аффективную функцию, заключающуюся в противопоставлении своего и чужого, и социальную функцию – разграничение внутригруппового и внегруппового, что ведет к образованию социальных

категорий и структур, на которые люди ориентируются в обыденной жизни [25]. Гендерные стереотипы являются устойчивыми и общепринятыми, обобщенными убеждениями, которые сформировались в культуре. Это убеждения о исполняемых ролях того или иного пола в обществе, а также о личности людей той или иной гендерной принадлежности [73]. Социокультурная обусловленность пола и его институционализация делают правомерным изучение гендерных стереотипов [87]. Каждому из полов в определенной культуре приписывается ряд обязательных норм и оценок. Однако гендерные стереотипы и сформировавшиеся в культуре убеждения о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины, отличается от термина «гендерная роль» [13].

Предрассудок представляет собой социальную установку с искаженным содержанием ее когнитивного компонента, вследствие чего человек воспринимает некоторые социальные объекты в искаженном виде. Нередко с таким когнитивным компонентом бывает связан сильный, т. е. эмоционально насыщенный аффективный компонент. Предрассудки обуславливают не только искаженное восприятие отдельных элементов окружающей действительности, но и неадекватные действия по отношению к ним, проявляющиеся при определенных условиях. Наиболее распространенным видом таких извращенных социальных установок являются расовые и национальные предрассудки.

В неразвитости когнитивной сферы личности лежит основная причина формирования предрассудков. Благодаря неразвитой познавательной сфере индивид некритично воспринимает влияния соответствующей среды. Это объясняет тот факт, что чаще всего предрассудки возникают в детстве, когда у ребенка еще нет адекватных знаний о том или ином социальном объекте или явлении. Определенное эмоционально-оценочное отношение к объектам социальной реальности формируется под воздействием родителей и ближайшего окружения ребенка. Эмоционально пережитый жизненный опыт индивида, если он недостаточно критично интерпретирован, может также повлиять на формирование или закрепление предрассудка [131, с. 65].

Экстремистское поведение в индивидуально-психологическом аспекте рассматривается как некий личностный феномен и исследуется в русле жизненных целей, идеалов, установок, отношений личности, а также ее индивидуальных состояний и свойств, таких как самочувствие, настроение, активность, самооценка, самоконтроль [155, с. 97].

Экстремистские стереотипы достаточно глубоко укоренены в сознании россиян в основном в виде неправовых протестных форм, в том числе и силовых. Объясняется это, в основном, экстремальным характером социальных и природных процессов в стране и, соответственно, экстремальными условиями жизни народа на протяжении всей истории России.

Как показывают исследования, значительная часть аморальных поступков, которые совершаются подростками и молодыми людьми, связана с их ориентациями на групповые нормы, выступающими в противоречия с общественными. При этом личная ответственность снимается в

сознании молодого человека тем, что «так принято» и «это вызывает одобрение» [154].

В условиях развала прежней и несформированности новой нормативно-ценностной системы, место отсутствующих ориентиров занимают легко формируемые деструктивные представления и убеждения. Исследования, проведенные независимо друг от друга Всероссийским центром изучения общественного мнения и Фондом «Общественное мнение», свидетельствуют: двенадцать процентов наших сограждан согласны с тем, что «в фашизме есть некоторые положительные идеи» – ведь именно он предлагает самое легкое решение проблемы «чужих». Самое страшное – четверть участников опроса убеждены, что никакой опасности поклонники гитлеровских методов решения социальных проблем не представляют. Причем каждый третий участник исследования сообщил, что лично сталкивался за последнее время с людьми, исповедующими взгляды, близкие к фашистским [44, с. 76-78].

Но далеко не все молодые люди одинаково воспринимают экстремистские стереотипы и переводят их в свое поведение. По данным исследований, активные носители агрессий не превышают двух-трех процентов. Однако к ним, в сложных социальных условиях, легко присоединяются от десяти до пятнадцати процентов молодых людей, обладающих повышенной психологической внушаемостью [74, с. 119]. Но только для половины молодых людей характерно идейное наполнение их деятельности и агрессивности. Это и есть кризисные группы, становящиеся источником реальных и возможных экстремистских движений и групп.

Носителями являются характерные типы личности, основные характеристики которых, как исходящие из психологической организации личности, так и навешанные определенным воспитанием, выглядят следующим образом:

- 1) стремление идти к цели кратчайшим путем;
- 2) неразборчивость в средствах достижения поставленных целей;
- 3) неприятие консенсуса и ориентация на силовое решение проблемы;
- 4) нечувствительность к боли, переживаниям, потерям других людей;
- 5) пренебрежительное отношение к правам человека;
- 6) крайний эгоизм;
- 7) выраженный социальный маргинализм.

Важно подчеркнуть, что не каждая в отдельности характеристика, а именно их совокупность определяет тип носителя экстремизма. Но если в организованных и стабильных системах такие типы личности блокированы и не имеют возможности проявлять свои наклонности в полной мере, то в состоянии нестабильности для них открываются большие перспективы, причем во многих сферах деятельности [74, с. 120].

Стихийное поведение чаще всего является массовой реакцией людей на политический кризис и нестабильность. Собственно психологические факторы, такие, как нарастание чувства неуверенности, страха, недоверия к официальным средствам информации, ведут к появлению слухов, панике, агрессии. Наиболее характерны в этом смысле разного рода экстремистские,

националистические движения, которым свойственно стремление воздействовать на бессознательную, иррациональную мотивацию участников политического процесса. Группы, занимающие маргинальное положение, в силу своего отчуждения, утраты традиционных ценностей и привычных социальных ориентиров, становятся наиболее податливыми к распространению стихийных форм политического поведения [114, с. 331].

Для экстремистского поведения характерны свои особенности, заключающиеся в установках, целях, ценностях. Первое, что необходимо отметить, это духовная ущербность и упрощенное понимание таких движений. Они руководствуются предрассудками, которые наиболее проявляют себя именно в маргинальных группах. Однако главной ценностью экстремистских движений являются не идейные соображения. В первую очередь, они опираются на бессознательные структуры, эмоции, инстинкты, веру, предрассудки и суеверия. Стихийность, как правило, умело используется политическими лидерами, что способствует сплочению людей вокруг них [114, с. 332].

Необходимым элементом экстремистской ценностно-мотивационной системы является нетерпимость к чужим взглядам и стремлениям, а важнейшими компонентами – отказ от общечеловеческих ценностей, крайняя агрессивность, а также идея обращения инакомыслящих в единственно истинную веру [158, с. 54]. Крайняя степень приверженности к каким-либо идеям, верованиям или воззрениям, особенно в религиозно-философской, национальной или политической области, обозначается термином «фанатизм» (от лат. *fanum* – жертвенник) [130, с. 28].

При рассмотрении феномена фанатизма в контексте психоаналитической теории совести, функцию которой выполняет Сверх-я (З. Фрейд), следует отметить, что видение фанатика характеризуется своей радикальной односторонностью, результатом чего является фанатическое сужение и ужесточение совести. Джон Крейтон рассматривает терроризм в контексте психологической травмы, полученной в детстве, которая проявляется в виде нарциссического гнева [172, с. 37]. По мнению Джона Крейтона, терроризм представляет собой попытку приобретения или сохранения власти и контроля путем запугивания. Гайнц Когут (1973) отмечает, что там, где люди не чувствуют себя принятыми окружением, считают себя оскорбленными в своих убеждениях и верованиях, из-за чего часто возникает грандиозное нарциссическое озлобление, которое в экстремальных случаях выливается в фанатическую войну с обидчиком и его уничтожение [65, с. 45].

Р. Conzen [169, с. 25-26] рассматривает фанатизм через призму психологии идентичности. В каждом человеке есть место для предубежденности, радикализма, готовности проявить ненависть, каждый готов выдать фанатические эмоциональные реакции или фанатические временные состояния. Но существует маленькая, но экстремальная группа людей, у которых фанатизм является их свойством, ядром их идентичности.

Анализ фанатизма как социального феномена осложняется тем, что в его структуру включаются такие социально-психологические элементы, как страсть, нетерпимость и крайняя приверженность. Работы многих исследо-

вателей, посвященные фанатизму и близким к нему феноменам, акцентируют свое внимание именно на социально-психологических аспектах. Так, например П. Б. Ганнушкин [45], А. Г. Асмолов [8], М. Тейлор [190] и др. подчеркивали пограничное положение феномена фанатизма между нормой и болезнью.

П.Б. Ганнушкин отмечает, что фанатики, как и параноики, – люди «сверхценных идей», крайне односторонние и субъективные. Отличает их от параноиков то, что они не выдвигают на передний план свою личность и подчиняют свою деятельность тем или другим идеям общего характера. Деятельность интеллекта чаще всего отступает у них на второй план по сравнению с движимой глубоким, неистощимым аффектом волей. Их мировоззрение ограничено и состоит из небольшого количества идей, чаще всего заимствованных, но благодаря глубоко сросшихся со всей их личностью. Фанатики редко способны проявлять душевную теплоту по отношению к людям, которые являются для них лишь орудием, при помощи которого они стремятся достигнуть свои цели. Главная сила фанатиков – в их несокрушимой воле, которая помогает им без колебания проводить то, что они считают нужным [45].

Психолог Конрад Келлен [180, с. 43], исследовавший большое количество западногерманских террористов, сделал вывод, что большинство из них «...страдают от глубоких психологических травм...», которые движут ими при убийстве людей, которые заставляют их видеть мир, в том числе свои собственные действия и ожидаемые последствия этих действий, в грубом нереальном свете.

А.Г. Асмолов в своей книге «Психология личности» говорит о том, что фанатик воспринимает себя как орудие неких высших сил в борьбе с инакомыслящими. Личность фанатика (авторитарная личность) отличается тревожностью, враждебностью к представителям иных этнических, религиозных или политических групп. Она склонна приписывать собственную жестокость и агрессию представителям этих групп. Фанатики всегда готовы последовать за лидерами, которые, пользуясь суженностью их сознания, направляют их ненависть на других людей [8].

М. Тейлор (1988) считает, что распространенное предположение о связи между фанатизмом и психическими заболеваниями не совсем уместно. Фанатик смотрит на мир с точки зрения крайностей. Тейлор говорит о том, что фанатизм опирается на предрассудки и авторитаризм, которые имеют общие когнитивные процессы, такие, как нежелание идти на компромисс, презрение к представлениям других групп, тенденция видеть вещи в черно-белом цвете, жесткость веры, и ограниченное восприятие мира. В понимании природы фанатизма необходимо признать роль культурных (религиозных и социальных) контекстов.

В феномене фанатизма одной из главных является проблема социального влияния, с помощью которого облегчается возможность манипулирования людьми (Г.М. Андреева, А. Бандура и др.) Так, Б. Дженкинс (1975) [179, с. 15] и Д. Гутман (1979) полагают, что террористические акты в большей степени направлены на аудиторию, чем на непосредственных жертв.

Их основной целью является устрашение людей ради получения власти над ними.

А. Бандура [168] описывает четыре способа рационализации террористическими группами своих действий:

1) с помощью морального обоснования террористы представляют себя как спасителей;

2) через перекладывание ответственности на лидера, террористы считают себя простыми исполнителями;

3) через минимизацию или игнорирование фактических страданий жертв;

4) дегуманизирование жертв или ссылка на них, как «неверных».

Также Джерролд Пост (1990) говорит о том, что рассуждения террористов имеют свою «террористическую психологию», которая рационализирует те действия, которые совершаются ими [188, с. 25]. Однако, данное предположение не совсем убедительно, т.к. во внимание не берутся другие факторы, в том числе их идеологические убеждения.

Психолог Кен Хескин [177], изучавший психологию терроризма в Северной Ирландии, отмечает, что на самом деле не существует доказательств того, что террористы имеют психопатические или иные клинические нарушения. Хотя, возможно, были случаи, когда психически больные люди входили в террористическую группу. Так, К. Хескин (1984), М. Креншо (1985) [171], Е. Сегал (1987), С. McCauley (2001) [185] и др. считают, что террористы крайне отчуждены от общества, но отчуждение не обязательно означает, что они психически больные.

Фанатизм зачастую связывается в науке со страстями и аффектами, поэтому было бы продуктивно исследовать его как разновидность социального чувства. К фанатизму наиболее близки такие социальные чувства, как враждебность, ксенофобия, патриотизм. Источником ксенофобии является недоверие, поскольку именно оно ослабляет социальные связи между людьми. Ненависть направлена против незнакомых групп населения, от которых неизвестно, что можно ожидать, и поэтому страх перерастает в ненависть, в ксенофобию [70, с. 73].

Патриотизм связан с такими чувствами, как гордость и любовь, но может приобретать и негативные черты, переходя в национализм и шовинизм, становясь фанатическим. Грань между патриотизмом и национализмом очень тонка – человек, испытывающий чувство гордости и любви к своей отчизне, в случае абсолютной поглощенности этими чувствами и смешивании их с чувством превосходства над другими, становится националистом.

О.Е. Хухлаев говорит о том, что главным направлением изучения национализма в психологических исследованиях является рассмотрение его соотношения с патриотизмом [153].

В исследованиях Э. Эриксона отчетливо показано, что тотальная фиксация индивида на какой-либо точке зрения и вытекающая из этого поведенческая активность являются производными от внутриличностной организации по принципу тотальности. Он говорит о том, что индивид с базисным недоверием к миру, заложенным в детстве, во взрослой жизни

периодически регрессирует в состояние детской беспомощности и ищет способы справиться с тревогой, связанной с чувством собственной незащищенности во враждебном мире. Это патологическое, по сути дела, состояние, по мнению Э. Эриксона, особенно обостряется в ситуации резких исторических и экономических перемен. Для представителей политического и религиозного фанатизма, так же как и для «идейных» террористов характерно полное пренебрежение к человеческой жизни – как окружающих, в том числе близких, так и своей собственной [77].

В.Ф. Чиж в своей статье «Психология фанатизма» (1905) [156], описывает автобиографию фанатика, где отмечены яркие характеристики его личности: уединенность, сосредоточенность на своем «Я», отсутствие друзей, всецелая поглощенность одной руководящей идеей своего спасения, крайняя самоуверенность, нетерпимость к взглядам других людей, узкое и одностороннее понимание религии, безучастность к страданиям людей, необоснованные страхи, идеи собственного величия сочетались у него с идеями преследования и др.

В настоящее время все более широкое распространение получают «бытовые» проявления фанатизма – спортивные и музыкальные фанаты и т. п. Представители подобных течений нередко склонны к асоциальному поведению. К примеру, многие из спортивных «фанатов» одновременно являются членами экстремистских группировок националистического толка.

Франко Ферракути [174, с. 19], профессор Римского Университета, говорит о том, что террористы также живут в своей собственной субкультуре, с их собственной системой ценностей.

Мотивы отрыва человека от реальности и ухода в группу (религиозную, спортивных или музыкальных фанатов) могут быть различными: 1) психологические проблемы, с которыми индивид справиться самостоятельно не способен или считает, что не способен. Данный мотив основывается на психопатологических симптомах и синдромах, патологии характера или внутриличностном невротическом конфликте. Его уход в группу фанатиков обусловлен снятием с себя ответственности за принятие решений по многим жизненным проблемам, желанием стать ведомым, искоренить в себе сомнения и неуверенность; 2) стремление уйти от однообразной, не вызывающей радости и эмоционального отклика реальности.

Основу мировоззрения фанатика составляют сверхценные и сверхзначимые для него идеи, во власти которых он находится. Эти идеи придают ему смысл жизни, являясь стержнем общения с другими людьми. Фанатиков отличает повышенная эмоциональность, отсутствие критической оценки любой информации, которая подтверждает их взгляды.

Различают политический, патриотический, религиозный и идейный фанатизм [105, с. 48]. Психологически фанатизм часто опирается на идеи радикализма и экстремизма и обычно лежит в основе реального терроризма. Идейный фанатизм базируется на готовности к самопожертвованию и лишениям во имя какой-либо цели [105, с. 49].

Не всякий фанатик является террористом, но большинство террористов – это фанатики. Наиболее распространенным и чаще всего встречаю-

щимся вариантом фанатизма является стремление в утверждении собственных убеждений ценой собственной жизни.

Психологической основой религиозного фанатизма является вера, которая представляет собой чувство, создающее иллюзию познания и реальности того, что создано фантазией с участием этого же чувства. Психологически вера всегда предполагает готовность к заражению, внушению и подражанию. Вера легко образует массу верующих. И, наоборот, в массе легко распространяется и укрепляется вера. Между фанатизмом и религией можно проследить тесную связь. В настоящее время ислам, как более молодая религия по сравнению с христианством, переживает период бурного развития, в силу чего очень силен фанатизм, как основа современного исламского фундаментализма.

Терроризм как специфический инструмент борьбы всегда вызывал к себе неоднозначное отношение. Психологические последствия терроризма как взятые по отдельности явления не равнозначны. Некоторые из них носят отсроченный характер, другие проявляются непосредственно после террористического акта или в ближайшее время. По характеру направленности их можно подразделить на последствия, результатом которых будут изменения в личностной, эмоциональной и моральной сферах человека, ведущие к изменению в обществе в целом [184]. Будучи орудием слабых, индивидуальный, групповой и даже локальный терроризм часто опирался на определенное сочувствие со стороны тех, кто не был его жертвами. Поэтому всегда множились и продолжают множиться ряды террористов. Террор – метод борьбы. Получается, что пока есть борьба, будет и террор, а значит помимо негативного к нему отношения, которое он и заслуживает, будет и достаточно заметное позитивное. Все это означает, что террор долго еще будет иметь под собой определенную психологическую почву [104, с. 64].

Трехкомпонентная структура переживания террористической угрозы близка к компонентной структуре отношений личности В.Н. Мясищева (эмоциональный компонент, мотивационно-поведенческий и когнитивный компоненты), который подчеркивал включенность каждого человека с момента рождения в систему общественных отношений. Эта система формирует его субъективные отношения ко всем сторонам действительности. В смысловых рамках концепции В.Н. Мясищева террористические акты могут быть рассмотрены как условия, обстоятельства, которые вызывают нарушения системы отношений человека к себе и событиям [26, с. 33].

С.Н. Ениколопов, А.А. Мкртычян в своем исследовании психологических последствий терроризма говорят о том, что одним из опасных для общества социально-психологическим последствием терроризма является процесс легитимизации насилия. Частое наблюдение сцен насилия через СМИ приводит к изменению установок человека в отношении агрессии, снижается чувствительность к проявлениям насилия в жизни. Все это может выражаться в допустимости насилия для достижения своих целей [64, с. 74]. Экстремистами для пропаганды своих идей широко используются различные средства коммуникации, прежде всего Интернет. Запрет экстремистской литературы, закрытие экстремистских интернет-ресурсов не приносят

ощутимых результатов. А подчас грубое, подчас немотивированно жесткое использование мер противодействия терроризму и экстремизму, так же как отсутствие морально-этического противовеса исламистским идеологам лишь множит число недовольных существующим положением вещей [165].

Особую ставку идеологи экстремизма делают на молодежь как на наиболее мобильную, легко подверженную внешним влияниям среду [165, с. 220].

Группы обывателей, которые в своих оценках не столь однозначны и радикальны, являются референтными группами, чрезвычайно важными для террористов, так как потенциально являются своего рода базисом для формирования положительной, сопереживающей позиции. Они же – благоприятная среда для рекрутирования новых членов в террористическую организацию. Размер этих групп незначителен по сравнению с большинством, но для террористов численность группы, которая воспринимает их идеи, не является приоритетом. Для них важен сам факт ее существования в обществе, так как основная ставка делается не на фиксированную численность группы, а на цепную реакцию, которая возникнет в ней и далее распространится на максимально возможное число людей, включая и тех, кто был настроен крайне отрицательно по отношению к террористам. Формирования положительного отношения к экстремизму и терроризму является наиболее радикальным и в свою очередь угрожающим обществу результатом. Люди, желающие стать частью какой-либо террористической группы для того, чтобы перенять методы борьбы за свои интересы и применять их в одиночку, оправдывают свое действие ссылкой на террористов [64, с. 76].

По словам В.С. Собкина, исследование отношения к экстремизму предполагает следующие аспекты [127, 132]: 1) отношение к экстремизму предполагает определенную степень информированности о подобных организациях и личный опыт взаимодействия с ними (в том числе через знакомых); 2) отношение к экстремизму может проявляться на уровне личностного принятия или отвержения экстремизма как специфической идеологии и способа решения социальных проблем, на уровне социальных оценок, когда экстремистские действия оцениваются относительно их легитимности и существующей государственной политики в отношении экстремистских организаций. Это, в свою очередь, показывает отношение человека к проблеме легитимизации насилия в целом; 3) отношение к экстремизму выражается в предпочитаемых способах разрешения конфликтных ситуаций и выражении своих протестных взглядов.

Результаты исследования, проведенного А.А. Козловым [155, с. 101-110], показывают, что внешние эмоционально-отрицательные образцы поведения (например, «не хочу считаться с мнением другого человека», «могу принести страдание, страх, боль другому человеку» и др.) способствуют формированию экстремистского состояния, нарастанию раздражительности, что отражается на форме взаимодействия между людьми. Неумение контролировать себя и управлять собой является одним из факторов, повышающих вероятность силовых действий в решении конфликтов. Таким образом, готовность причинять страдания другим людям в сочетании с

недостаточно развитой способностью владеть собой, выступают предпосылками экстремистского поведения.

А.А. Козлов выделяет три социально-психологических типа, характерные для учащейся молодежи:

1. «Агрессивно-непредсказуемый», которому присуща устойчивая эмоциональная напряженность и внутренне осознанное экстремистское поведение (около 20%). Этот тип молодых людей характеризуется повышенным внутриличностным и межличностным конфликтами, непредсказуем в поведении.

2. «Традиционно-нейтральный», ему присуще умеренно-нейтральное отношение во взаимодействии людей с заметными навыками коррекции собственного поведения (примерно 10-20%).

3. «Гуманный» – характеризуется устойчивой гуманистической направленностью, желанием гуманизировать существующую напряженность в молодежной среде (около 50-55%).

Подводя итог, следует подчеркнуть, что какой бы психологической категории не коснуться, постигаемые посредством нее реальности никогда не выступают в виде изолированных сущностей. Однако они неотвратимо вынуждают углубляться в мир отношений, многообразность которого становится все более зримой с прогрессом познания. Выделяя в категории отношений наиболее значимые для категориального анализа признаки, следует отметить среди них, в первую очередь, доминирование значимой для субъекта направленности на объект, в качестве которых выступать не только материальные вещи, но и также духовные ценности, различные стороны культуры, другие люди, а также сам субъект. Отношения, однако, не следует отождествлять с мотивами, эмоциями, потребностями и другими проявлениями индивидуально-личностного плана психической жизни личности. К основным признакам, присущим категории отношения, относятся: заданная субъектом направленность психического акта, установка на оценку (позитивную, негативную или выражающую безразличие), избирательность, предрасположенность и готовность к определенному образу действия.

Также, хотелось бы отметить, что при изучении отношения к проявлениям экстремизма следует уделить внимание феномену фанатизма в силу того, что психологически фанатизм опирается на идеи экстремизма и радикализма. В сознании фанатика активно действуют стереотипы, предубеждения и предрассудки, которые являются основными видами социальной установки.

1.3. Социально-психологические характеристики отношения к проявлениям экстремизма в обществе

В научных изысканиях по-разному расставляются акценты в отношении природы экстремистской направленности поведения личности. Одни исследователи связывают ее с отклонениями в развитии психики, такими

как, генетически обусловленные пороки нервной системы (например, повышенная агрессивность), или органические поражения высшей нервной деятельности. Другие – анализируют психологические предпосылки, рассматривая поведение с точки зрения детерминирующих его специфических установок, мотивов, ценностей, представлений. В частности, к предпосылкам молодежного экстремизма можно отнести достаточно ригидное агрессивное поведение. Для экстремиста реализация его убеждений становится единственным содержанием личной жизни.

Обращаясь к концепции П. Штомпки, следует сказать, что, по его мнению, истоки психологических проблем, имеющих место среди российских граждан, следует искать, прежде всего, в пережитых и переживаемых социальных травмах, представляющих серьезную социальную проблему [161]. Травму в социальной сфере П. Штомпка связывает с деструктивным воздействием на человека. В этом случае травма представляет собой некую патологию того или иного социального организма, которая проявляет себя в виде ситуаций, названных З. Фрейдом «социальным неврозом»: возвращение религиозного фанатизма, усиление ненависти, национализма, расизм и антисемитизм, также как отклоняющееся поведение, наркомания и насилие [93].

Экстремизм вполне укладывается в рамки реакций человека на разрушение привычных социальных взаимоотношений и давление со стороны социальной системы в переломные периоды, описанных Э. Фроммом в своей книге «Бегство от свободы»: различные стремления и страхи, которые есть у каждого человека, представляют собой реакции на конкретные условия жизни. К таким реакциям можно отнести враждебность или дружелюбие, стремление к власти или подчинению, отчуждение, стремление к наслаждению и др. Однако эти склонности не характерны для человека изначально. Особенности экономической жизни становятся основным фактором, который определяет характер человека в силу того обстоятельства, что потребность в самосохранении является ведущей потребностью [149, с. 20-22].

Рассмотрим одну из этих реакций – «разрушительность», когда человек пытается уничтожить мир, в котором он чувствует себя одиноким и униженным. Такой экстремизм иррационален и не спрогнозирован на перспективу, поэтому носит непредсказуемые последствия. Это состояние страха, вызывающее протест против той силы, которая вызывает этот страх. Э. Фромм говорит о том, что как отдельные личности, так и целые группы могут иметь такие черты характера, они ждут ситуации, в которых смогут разрядить свою деструктивную энергию, а если такая ситуация не наступает, они могут искусственно создавать ее [148, с. 163].

Реакция «автоматизирующего конформизма», которую выделяет Э. Фромм, также может быть соотнесена с феноменом экстремизма. По сути, эта реакция выступает как процесс превращения человека в машину с определенной программой, которая действует по общепринятым стандартам, по предписанным нормам, но сохраняя иллюзию самостоятельности при принятии решений. Как результат – подавление способности к критическому мышлению, а одиночество и бессилие вытесняются ценой растворения

личности в массе. Преобладание пассивности в самореализации человека может привести к тяжким психологическим состояниям, выражающимся в безучастности. Такие состояния являются основой для скрытой формы экстремизма, такой, как асоциальные настроения (конформизм, инфантилизм, откровенный патриотизм). В настоящее время особенно часто такие настроения присущи представителям молодого поколения.

Психология фашизма представляет собой гипертрофированное стремление к власти. Люди, стремящиеся к власти, совершают нормальные действия только до тех пор, когда их цель заключается в благополучии в рамках класса или социального слоя, выступающих в качестве основных естественных социальных подструктур. За рамками социального слоя власть становится самоцелью для отдельных личностей, которые организуют специальные объединения, предназначенные для достижения этой цели. Стремление к власти, выступающее как самоцель, должно квалифицироваться как расстройство эмоциональной сферы, которое выражается в чрезмерном возбуждении такой эмоции, как влечение к власти [16, 124].

Еще одна из реакций – реакция самоотречения, которую Э. Фромм обозначил как «авторитарная», также соотносится с феноменом экстремизма. Он говорит о том, что личность с авторитарным характером обладает одновременно такими чертами, которые проявляются, во-первых, в желании иметь неограниченную власть над людьми и в агрессии по отношению к подчинившимся этой личности людям. Во-вторых, в готовности подчиняться указаниям как внутренней, так и внешней власти. По сути, речь идет о людях одновременно обладающих садистскими и мазохистскими чертами.

В результате фундаментального эмпирического исследования «авторитарной личности», выполненного в США в 40-х годах под руководством одного из основоположников неопрейдизма Т. Адорно (Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсон и Н. Сэнфорд) [4] была установлена системная взаимосвязь между различными психологическими чертами и взглядами людей, которых группа ученых определила как «потенциальных фашистов». Наиболее очевидна взаимосвязь между преобладающими примитивно-стереотипными способами восприятия, антисемитизмом и этноцентризмом. Под этноцентризмом понимается воинствующий национализм или «псевдопатриотизм», который выражается во враждебном отношении к другим этническим группам. Также характерной для этого типа является приверженность к такому принципу социальных отношений, как подчинение «чужой» группы «своей» группе [59].

По результатам данных, полученных в ходе этого исследования, можно сказать, что авторитарная личность отличается не только определенными этнонациональными и социально-политическими взглядами, но и личностными чертами, такими как приверженность принятым нормам, авторитарная агрессия, готовность к подчинению и иерархии, суеверность и стереотипное мышление, стремление к разрушению и цинизму, гипертрофированный интерес к сексуальной жизни, проекция собственных порочных склонностей на других людей, поиск других людей для разрядки своей агрессии. Демократическая личность, по мнению Т. Адорно и его сотрудников,

является противоположной для авторитарной личности. Для демократической личности характерны полярно противоположные черты.

Авторитарные черты чаще проявляются у людей менее образованных, которые, очевидно, понимают авторитарную идеологию более упрощенно, используя подмену понятий, в более бедных социальных слоях, а в буржуазной среде чаще у мелких собственников с небольшими доходами.

Обобщая все эти наблюдения, можно предположить, что одной из главных предпосылкой формирования авторитарных черт личности является либо психологическое неблагополучие личности, заложенное еще детстве, либо материальное и социальное, которое человек начинает испытывать значительно позже. Именно социально-экономический фактор объясняет возрастные характеристики авторитарных личностей. Так, в молодом возрасте люди надеются на будущее, строят планы на перспективу, а достигнув среднего возраста, приходит осознание, что далеко не все получается реализовать. Кроме того, именно в кризисные времена происходит увеличение числа «авторитарных личностей», что связано с ситуационными факторами, связанными со снижением социально-экономического уровня [58, 59].

А. Маслоу в работе «Структура авторитарного характера», которая появляется в 1943 году, говорит о том, что в становлении авторитарных черт личности большую роль играют не только психологические (внутренние) факторы, но и ситуация, или «поле», в котором происходит становление индивида. А. Маслоу считает, что авторитарный человек, как и все психологически незащищенные люди, воспринимает мир в виде «опасных джунглей», несущих в себе потенциальную угрозу. Этот мир населен людьми, подобным животным, которые либо едят других, либо будут съедены ими, и, соответственно, их надо либо бояться, либо презирать. А. Маслоу обращает внимание на то, что нужно проявлять осторожность и не идентифицировать всех незащищенных и зависимых индивидов с авторитарными личностями. Но при этом он также подчеркивает, что население как демократических, так и авторитарных или фашистских стран, составляют зачастую именно покорные и пассивные граждане [159].

В самой природе человека уже заложено стремление к экстремальности, которая принуждает его к постоянному движению и развитию. Это и является истоком экстремизма. Экстремальность рассматривается как феномен, способный (при определенных условиях) трансформироваться в экстремизм (который становится разновидностью предельных состояний действительности) и служить механизмом реализации нестандартных действий для быстрого принятия решений с целью выхода из кризисной ситуации. Не случайно понятия «экстремизм» и «экстремальность» происходят от одного латинского корня «*extremus*» (край, конец). Оба понятия несут значение интенсивности и напряженности. При этом экстремальность отличается природный стихийный характер, что проявляется в активности человека и в активности внешней среды (стихийных бедствиях, природных катаклизмах и т.п.) Все, что является экстремальным, имея внутреннюю логику, вызывается необходимостью и подчиняется закономерностям. Экстремизм в отличие от экстремальности всегда несет в себе личностное начало, и

экстремистское поведение всегда связано с эгоцентризмом и своеволием. Также не следует забывать, что экстремальность не всегда представляет собой кризис или конфликт. Экстремальность только заостряет проблему, акцентируя внимание на новом, как правило, более значимом и более высоком. Так само творчество невозможно без экстремумов процесса развития. Творческий идеал (экстремум) – оптимум личностного и общественного развития, поскольку стремление к оптимальному пределу (в отличие от экстремистского беспредела крайностей) составляет суть процесса совершенствования [155, с. 14]. В свою очередь экстремизм обостряет ситуацию, доводит ее до крайности, в силу чего спокойное конструктивное решение проблемы, как правило, становится невозможным [74, с. 119].

Устремления, присущие людям, всегда выступают не только стимулом, но и вектором их движения в будущее. Во все времена стремление человека к осмысленной жизни в настоящем приводило его к осознанию необходимости планирования будущего, к прогнозированию отдаленных последствий своих действий, поступков. Однако поскольку мысли и желания людей нередко изменчивы и противоречивы, им бывает трудно со всей полнотой и ясностью предвидеть последствия своих выборов и жизненные перспективы [72, с. 4]. Временную перспективу человека и способность его сознания к построению прогнозов относительно образа будущего исследовал Н.А. Бернштейн. Согласно его позиции, образ будущего представляет динамическую модель, способную к различного рода трансформациям в связи с тем, что человек подвергает анализу опыт прошлого и резервы актуальной реальности в процессе поиска наиболее эффективных и успешных стратегий достижения цели [15].

По мнению некоторых исследователей смысл жизни основывается на чем-то бесконечном, пронизывающим всю человеческую жизнь. Психологи определяют смысл жизни, как содержательную характеристику обобщенной смысловой системы, сущность которой состоит в динамике. Смысловая система несет ответственность за общую направленность жизни субъекта [87].

В теории В. Франкла понятие смысла жизни занимает центральное место. В. Франкл говорит о том, что врожденной мотивационной тенденцией, характерной для каждого человека, является стремление к поиску, а также реализация человеком смысла своей жизни. Смысл жизни выступает основой поведения и развития человека [147, с. 14]. В свою очередь, отсутствие смысла выступает причиной девиантного поведения и многих психических заболеваний, к которым также относятся неврозы. Хотя смысл жизни для каждого человека уникален, следует сказать о существовании смысловых универсалий – ценностей, которые выполняют две взаимосвязанные функции – жизнеутверждающую и мотивирующую [147]. Формирование динамической и смысловой систем у субъекта, по мнению Л.С. Выготского, обеспечивают становление личностного смысла, как единства аффективных и интеллектуальных процессов личности. Личностный смысл определяется не только возрастными характеристиками человека, но и местом, которое он

занимает в системе общественных отношений, а также социальной позицией и общей направленностью личности [61, с. 86].

Смыслообразование связано с формами психологической презентации жизни в самом человеке. По этому критерию можно выделить прошлую, настоящую и будущую жизнь. Каждая из них может придавать жизни смысл, что подчеркивает Д. А. Леонтьев. Проживается только настоящая жизнь. Но для человека существует и прошлое, и будущее. Прошлое таится в памяти, накопленном жизненном опыте. Человек живет будущим в силу того, что в смыслообразовании большую роль играют ожидаемые ценности и, в первую очередь надежда на счастливое будущее, что является главным источником интереса к жизни [87]. Таким образом, можно сказать, что смысл жизни оказывает положительное влияние на становление личности и жизнь человека.

В. Франкл говорит о том, что если человек, реализовал все свои первичные, базовые потребности, то ему может быть свойственен поиск смысла своего существования. Смыслжизненные ориентации индивидуальны для каждого человека и представляют собой набор целей и ценностей конкретной личности, которые являются основополагающими для ее существования. Понимание данной потребности уникально для каждого человека, что создаёт трудности их изучения и развития. Больше всего подрывает смысл жизни утрата привычных ценностей. В этом проявляется стабилизирующая тенденция: организм настойчиво стремится сохранить и закрепить достигнутое. Именно поэтому самые большие человеческие трагедии связаны с утратой привычных ценностей, а огромные радости – с их возвращением [63, с. 92].

Обычно обыватель не думает о смысле своего существования, он просто живет. Проблема возникает тогда, когда он начинает терять смысл жизни, погружается в тяжелые переживания: хроническую тоску, низкий эмоциональный тонус, апатию, депрессию, тревоги и страхи, чувство отчаяния, т.е. в предельно подавленное настроение, что вызывает равнодушие к жизни [63, с. 91].

Существенными особенностями построения образа социального мира в условиях нестабильности являются изменения некоторых психологических механизмов социального познания, а также изменение роли социальных институтов, формы социального контроля в этом процессе. С потерей позитивного представления о прошлом типе общества связано восприятие утраты всякого идеала общественного устройства. Кроме того, начинают болезненно восприниматься параметры временного существования (прошлое, настоящее, будущее). Восприятие прошлого принимает крайние формы – светлое прошлое, или темное прошлое. Относительно будущего также не ясно, каким оно будет или должно быть. Сложность ответа на этот вопрос может рассматриваться как помеха какой бы то ни было личной активности человека [5, с. 270-271]. Все это оказывает существенное воздействие на поведение людей, которое может быть агрессивным, или же, как вариант другой крайности, апатичным и безразличным ко всему происходящему вокруг.

В многонациональных обществах, к каковым принадлежит и Россия, в условиях системных кризисов происходит смена идентификационных критериев при регуляции межгрупповых отношений [130, с. 37].

Идентичность выступает базовым психологическим конструктом, выражающим сущность человека. Компонентами идентичности выступают представления, эмоции, мотивы, знания, ценности, стереотипы, поведенческие схемы, нормы и стандарты, а также бессознательные образования. Это единство опыта поколений, которые живут в настоящее время, и всего человечества в целом, преломленного через собственный опыт существования в группе. Человек осознает свою групповую принадлежность и свое положение в обществе в процессе формирования идентичности. Кроме того, происходит осознание непрерывности своего существования в системе поколений, принятие определенного образа жизни и подчинение ему, человек учится соотносить свою индивидуальность с групповой системой ценностей и норм. Индивид почти всегда находит свое «Я» в какой-нибудь группе. На первое место в соответствии с социально-психологическими закономерностями начинает выдвигаться этнический или еще шире – социокультурный, религиозный фактор. Этот фактор как наиболее древний в процессе исторического развития служит целям группового выживания [130, с. 37]. В связи с этим идентичность, с одной стороны, выступает как объединение, тождественность и общность, а с другой – отделение, противопоставление и конфронтация: «Я и Другой», «Мы и Они» [129].

В отношении проблемы социальной идентичности в наше время употребляется термин «кризис», так же, как и по отношению к экономической и политической ситуации в нашей стране [85]. «Кризис идентичности» предполагает объединение этнических и религиозных групп по принципу «против».

Л.М. Дробижева и ее коллектив, проводя социологические исследования, говорят о росте этнического самосознания практически всех этнических общностей России. В росте этнического самосознания, как такового, нет ничего отрицательного, но наиболее ярко проявляют себя эмоционально выраженные формы этнической саморефлексии, заключающиеся в резких выражениях в отношении людей других национальностей [62]. Кризис идентичности, как особая ситуация сознания, выражается в том, что большая часть социальных категорий кажется утратившей свою ценность. Следует отметить, что с помощью этих социальных категорий личность определяет себя и свое место в обществе. В проблеме идентичности важен тот факт, с какой группой себя отождествляет человек, а не то, к какой социальной группе он принадлежит. Здесь важно то обстоятельство, что человеку необходимо наделять позитивными чертами ту группу, с которой он себя идентифицирует. В связи с этим кризис идентичности может быть также определен, как утрата положительных представлений о своей группе, а не только как трудность в обозначении своего места в обществе.

Затруднения с определением идентичности или ее утрата, как на сознательном, так и на бессознательном уровне, затрагивает все население, но

особо остро этот кризис переживают определенные социальные группы общества, к которым, прежде всего, следует отнести группы молодежи и пожилых людей. Что касается пожилых людей, то для них характерна именно утрата идентичности, связанная с болезненным переживанием бессмысленности прожитой части жизни, с ломкой идеалов и утратой привычных ориентиров в жизни [5, с. 262; 91]. Многими исследователями (Е. Бендек (1984), Н.Б. Михайлова (2000), В.Н. Павленко (2001)), признается тот факт, что у лиц старше сорока лет, а тем более у пожилых людей протекает гораздо болезненнее процесс социально-психологической адаптации, чем у более молодых людей [5, с. 262; 78, с. 61]. В поле зрения проблемы идентичности молодежи находится трудность выбора социальной группы, с которой молодой человек готов себя идентифицировать.

Обратимся к процессу формирования социальной идентичности подростков, который является наиболее показательным. Подростки легче поддаются стрессам, вызванным неопределенностью социальных ориентиров, но, в свою очередь, более открыты социальным изменениям. Также для подростков характерен радикализм в суждениях и поступках, который выражается в их отношении к миру. Что касается роли семьи в формировании образа мира, то следует обратить внимание на то, что конфликты или просто противоречия с родителями, и с миром взрослых, в целом, становятся наиболее обостренными в условиях нестабильности. Стереотипы, также как и образцы поведения, разрушаются на глазах, ценности старшего поколения обесценены, не привлекает перспектива повторения опыта предшествующих поколений. Все это осложняет процесс формирования социальной идентичности, так как не способствует сохранению авторитета взрослых [2].

В эпоху нестабильности происходят значительные модификации и в построении образа мира в целом. В частности, это относится к построению образа другого человека. Когда появляется угроза существованию группы как субъекта межгруппового взаимодействия, на уровне психологического восприятия ситуации начинает преобладать объединение по признаку крови, происхождения, религиозно-культурным основаниям. Главное, начинает укрепляться тенденция к росту противостояния и напряженности по линии национально-этнических и религиозно-культурных различий [130, с. 37-38]. Здесь имеется в виду то, с какой относительной легкостью приписывается образ врага другому человеку. Очевидно, исторический опыт страны является итоговой причиной такого сдвига: в обществе нагнеталась опасность «врага» практически на всех этапах развития страны.

Одной из базовых особенностей природы человека является стремление делить мир на «мы» и «они», что лежит в основе психологического механизма ксенофобии. Понятие ксенофобии обычно включает в себе различные проявления интолерантности по отношению к группам, воспринимаемым массовым сознанием как «чужие» [167]. Термин «ксенофобия» и означает страхи, настороженность и недоброжелательство (или по другому, фобии) к чужим людям [128; 139, с. 112]. В современном обществе ксенофобия распространяется на довольно широкий круг объектов, в связи с чем выделяют следующие виды ксенофобии:

1) этнофобии (расовые и этнические фобии), которые определяют предубеждения и дискриминации в отношении лиц другой этнической группы или расы (например, белый и черный расизм, антисемитизм, фобия по отношению к китайцам (синофобия) и др.);

2) религиозные фобии, которые определяют страх и предубеждение в отношении приверженцев различных религиозных конфессий (например, фобии по отношению к представителям различных религиозных культов, исламофобия);

3) фобии в отношении групп, которые отличаются по культурным, социальным, материальным и физическим признакам [82,129].

Ксенофобия является одной из черт психологии массового сознания, которая преимущественно носит стихийный характер, даже тогда, когда развивается под воздействием целенаправленных информационных и пропагандистских усилий, в то время, когда экстремизм представляет собой более или менее оформленную идеологию и целенаправленную деятельность организованных групп, значительно реже – отдельных лиц.

Ксенофобия выступает как важнейший источник экстремизма по нескольким основаниям: во-первых, экстремистские организации формируются из носителей ксенофобии; во-вторых, стереотипы ксенофобии чаще всего служат основой для экстремистских идей. Очень важно учитывать, что ксенофобия, будучи направленной на разжигание деятельности экстремистских сил, представляет собой один из «конечных продуктов», результатов экстремизма, она и есть выражение той самой розни. Не следует забывать, что поскольку массовые стереотипы ксенофобии, обладающие внутренней инерцией, могут существовать какое-то время даже без пропагандистского воздействия экстремистских сил, поэтому именно ксенофобия больше всего ограничивает возможности всех форм противодействия экстремизму [109, 110].

В основе психологического механизма «поиска врага» лежит механизм, заключающийся в том, что «враг» превращается в некую константу общественного организма, на которую легко сместить все причины социальных неудач [5, с. 268]. Не просто протест, а именно обвинение в недостатках представителей других национальностей свойственно не только националистической идее русских («во всем виноваты лица кавказской национальности, евреи, прибалты» и т.д.), но и национализму других народов, который возродился в настоящее время среди населения России, так и оказавшихся в пределах СНГ. Рост агрессивности, и в частности агрессивных образцов поведения отдельных личностей, является печальным следствием этого социально-психологического механизма, которым оперирует массовое сознание. Здесь можно наблюдать проявление доминирующего настроения, прежде всего связанного с настороженностью и враждебностью [5, с. 269].

Базовая основа экстремизма – агрессивность, однако (в отличие от биологического и психологического толкования) обязательно наполненная каким-либо идейным содержанием (смыслом). Взаимосвязь понятий «экстремизм» и «агрессия» может быть выражена следующим образом: не всякая

агрессия есть экстремизм, но в основе любой разновидности экстремизма лежит агрессия [74, с. 119].

Существуют теории агрессии, исходящие из разных истоков агрессивности личности [155, с. 98]. Это теория инстинктивной агрессии, где агрессивность рассматривается как врожденная саморазрушительная энергия (психоаналитическая теория – З. Фрейд, социальная этология (агрессия не столько саморазрушительная, сколько адаптивная – К. Лоренц).

Агрессия, как реакция на фрустрацию (Д. Доллард, С. Фишбах), согласно которой, агрессия – следствие фрустрации, т.е. препятствий, возникающих на пути достижения цели. Фрустрация выступает мотивацией для возникновения агрессии. Фрустрация представляет собой следствие разрыва между ожиданиями и реальными достижениями, а не является следствием депривации, как таковой. По мнению Д.В. Ольшанского, за возникновение разрушительного поведения отвечает психологический механизм, связанный с внутренней агрессивностью, т.е. тем эмоциональным состоянием, в основе которого лежат гнев и раздражение, возникающее как реакция на фрустрацию [105, с. 105]. Террор создает фрустрацию, прерывая спокойную жизнь. В этом случае агрессия носит рациональный характер.

Наконец, агрессия, как приобретенный социальный навык, т.е. теория социального научения (А. Бандура). Человек может убедиться в том, что агрессия приносит полезные плоды, наблюдая за успехами окружающих или на собственном опыте. Под влиянием семьи, средств массовой информации, субкультуры происходит социальное научение агрессии. В происхождении агрессивности теоретическая психология все большую роль отводит социальной среде.

Карен Хорни, занимаясь описанием противоречий, которые лежат в основе западной культуры, говорит о том, что экономически современная культура основывается на принципе индивидуального соперничества, которое в свою очередь порождает напряженность и враждебность между людьми. Человек осознает потенциальную враждебность как отрицательное качество, связанное и усиливающееся страхом мести со стороны других за собственную враждебность [151, 155]. В основе экономики общества лежат рыночные отношения, а значит, соперничество и конкуренция могут способствовать росту агрессивности.

В психологическом контексте важно то, что на основе агрессивности и агрессии в истории и современной политике периодически возникают агрессивные толпы с весьма специфическим поведением. Здесь можно отметить гендерные различия в агрессивном поведении, которые в большинстве случаев зависят от пола участников конфликта, ситуационных факторов, типа агрессии и гендерных норм. Согласно теории социальных ролей из-за различий в требованиях к мужской и женской роли появляются различия между мужчинами и женщинами. К примеру, женские социальные роли больше нуждаются в эмпатии, отзывчивости, тогда как мужские роли предписывают мужчинам стремиться к власти и соревнованию, быть сильными. Таким образом, благодаря гендерным ролям проявление агрессии у женщин

не поощряется, в то время, как у мужчин, проявление некоторых форм агрессии наоборот стимулируется [14, с. 65; 71].

Дж. Роуэн, как один из исследователей массового стихийного агрессивного поведения, под агрессией понимает «неприкрыто насильственную, угрожающую, преднамеренную и не подчиняющуюся нормам силу», действия которой противоречат обычаям, закону, ценностям [105, с. 109].

В настоящее время происходит сдвиг в структуре ценностей, стандарт насильственного поведения опирается и на то, что человеческая жизнь обесценена, не говоря уже о таких правах личности, как личное особое мнение, право на собственный взгляд на мир, на защищенность и т.п. Следствием смены ценностных ориентиров в общественном сознании явился духовно-нравственный кризис общества, выражающийся в отсутствии духовных и нравственных идеалов.

Своеобразной чертой периода радикальных преобразований является рост межгрупповой напряженности, которая проявляет себя не только между разными национальностями, но и между группами с разными политическими ориентациями. Социально-психологические механизмы поведения в ходе массовых мероприятий больших социальных групп достаточно хорошо известны и описаны как законы толпы, массы, публики [5, с. 270]. Собравшись в толпу, люди с легкостью совершают преступления разной степени тяжести. С. Московичи говорит о естественной природе толпы: «Толпа – это все: Вы, Я, каждый из нас. Как только люди собираются вместе, они становятся толпой» [98, с. 109]. Основная заслуга С. Московичи состоит в том, что он сформулировал новый закон: все, что является коллективным, бессознательно; все, что бессознательно, является коллективным. Первая часть этого постулата принадлежит Г. Ле Бону, вторая часть – З. Фрейду. Таким образом, толпа, являясь коллективной формой поведения, побуждает в человеке бессознательное. Прорыв бессознательного в сознание пробуждает человека к коллективным формам поведения. Наиболее ярко феноменология толпы проявляется при совершении экстремистских и террористических актов.

Конкретная позиция каждого человека определяется многими объективными факторами непсихологического порядка: материальным уровнем, социально-экономическим статусом, степенью адаптированности к новым условиям рынка и т.п. Психологически же при самых различных социальных характеристиках личности и политических пристрастиях в эпоху крайней нестабильности восприятие образа мира представляет собой сложный процесс [60, с. 22].

К главным причинам, порождающим экстремизм и антиконституционные насильственные проявления в стране, следует отнести социально-экономический кризис, классовое превосходство в обществе, увеличение социальной дифференциации, нецивилизованные формы перераспределения собственности, социально-экономическую незащищенность граждан, резкое падение жизненного уровня подавляющего большинства населения, рост правовой неграмотности населения, бесконтрольность средств массовой информации [114, с. 387].

Трудности, связанные с социальной приспособленностью человека к изменившимся условиям жизни, неудачи в определенном виде деятельности, эгоизм приводят к отчуждению от нормальных связей и отношений с обществом, что сопровождается негативными изменениями в нравственном сознании и способствуют становлению человека на преступный путь [135, с. 40].

Ценностные ориентации такой личности, которые являются следствием неправильного воспитания или непосредственного воздействия неблагоприятной среды (например, преступной группы), составляют нежелание соотносить свои примитивные потребности и интересы с требованиями общества, неуважительное отношение к труду, искаженное восприятие социально значимых элементов жизни общества [там же, с. 41].

Сдвиг в структуре ценностей и изменение ценностных ориентаций, правовая безответственность, проявления нравственной распущенности, нетерпимости и агрессивности порождают экстремистские наклонности, особенно в молодежной среде.

Молодежь, являясь самой динамичной социально-демографической группой, характеризуется специфической ролью и местом в системе общественных отношений [21, с. 101]. Сложность и противоречивость социокультурной ситуации в современной России, максимализм и подражание, эгоцентризм, прагматизм и неуважение к старшему поколению, свойственные молодежи, являются почвой для агрессивности и способствуют проявлениям экстремизма [24, с. 11].

По определению, которое дает И.С. Кон, молодежь представляет собой социально-демографическую группу, которая может быть выделена на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленная социально-психологическими свойствами выше перечисленных характеристик [76].

За последнее десятилетие возникают противоречия между стремительно обогащающейся небольшой прослойкой людей и находящимися ниже черты бедности большинства граждан. Дифференциация населения по данному признаку порождает у обиженных процессами социального переустройства групп ненависть и злобу по отношению к чужому благополучию. Вступая в дееспособный возраст, молодой человек сильнее ощущает на себе несоответствие между обещаемыми в обществе правами и реальными возможностями их осуществления. Чем радикальнее происходит расслоение общества, тем большая вероятность всплеска волны экстремизма, в том числе и молодежного. А.М. Халмухамедов в своем исследовании, говорит о том, что группы левого толка связаны с движением «новых левых», в недрах которого и сформировались. Радикальные лозунги студенчества явились идеологией террористов [150, с. 9-46]. Молодое поколение в большинстве своем оказалось без надежных социальных ориентиров. Выбор жизненного пути стал определяться не способностями и интересами молодого человека, а конкретными обстоятельствами.

Молодежная социальная группа не только выполняет интегративные функции, объединяя и развивая опыт предыдущих поколений, но и высту-

пает своего рода «социальным индикатором» тех трансформаций, которые всегда постепенно, зачастую незаметно для общей массы происходят в глубинах общественной жизни, ускользая от внимания большинства [67]. Важно подчеркнуть, что именно в среде молодежи вырабатываются определенные нормы и ценности, которые через определенный исторический промежуток времени (через пятнадцать – двадцать лет) становятся нормами и ценностями для всего общества. Вместе с тем, молодежь – это не только наше будущее, но и настоящее. Особую общественную опасность молодежному экстремизму придают, спонтанность и непредсказуемость, а также преимущественно групповой характер его проявления [146].

Мотивы присоединения к группе могут быть различными. Новые члены террористических групп часто изолированные и отчужденные молодые люди, мотивом присоединения которых выступает желание принадлежности к группе для чувства собственной важности, самоутверждения и общения [178, с. 13]. Недостаточный уровень зрелости мышления и сознания молодежи, а также повышенная возбудимость и чувствительность к несправедливости, которые могут переходить в агрессию, а также возможность показать себя в сочетании с несформированностью нравственных норм выступают мотивами экстремистского поведения молодежи.

Среди причин возникновения экстремизма в молодежной среде следует также отметить проблемы уровня и качества образования (в настоящее время школа не заинтересована в сохранении и вовлечении в активный учебный процесс учащихся), досуговая самореализация молодежи осуществляется вне учреждений культуры, ограничивается телевидением, дискотеками и ночными клубами. Школьники вне школы предоставлены сами себе, в силу чего возникают различные молодежные группы, в том числе и асоциальные, которые потенциально могут перерасти в экстремистские группировки.

Многие исследователи указывают на то, что экстремистскому сознанию присущи компоненты неразвитого сознания: импульсивность, внутренняя напряженность, конфликтность, деструктивность.

Нетерпение и нетерпимость играют важную роль в процессе формирования экстремистского сознания. Эмоциональная нечувствительность, ограниченность нравственно-эстетических представлений характеризуют и инфантильное сознание, и экстремистский менталитет. Это объясняет основную установку мировоззрения экстремиста на поиск упрощенных, более легких, даже примитивных путей к достижению своих собственных целей, на постоянное желание форсировать процессы и события. Экстремальное поведение молодежи возникает в тех случаях, когда у нее не происходит нормального по возрасту перехода к другим видам деятельности и другим кругам общения, в которых должно происходить овладение новыми социальными ролями. Как запаздывание, так и опережение в овладении новыми видами деятельности приводит к существенным изменениям в психике, к ломке существовавших систем ценностей, фиксированных установок и существовавших ранее личностных смыслов.

Развитое творческое сознание всегда стремится к поиску новых переживаний, решений, нуждается в новых впечатлениях и ярких переживаниях. В отличие от творческого сознания инфантильное и экстремистское сознание роднит стремление к острым ощущениям. Отсутствие стремления к адекватному восприятию действительности и мифологичность сознания обобщают между собой инфантильность и экстремизм [155, с. 18]. Юношеский максимализм, лежащий в основе этого, с определенного момента начинает тормозить личностное развитие человека, толкает индивида к крайним формам поведения. Среди основных черт агрессивной личности можно назвать бедность ценностных ориентаций, их примитивность, отсутствие увлечений, узость и неустойчивость интересов, сочетающиеся, как правило, с низким уровнем интеллектуального развития и недоразвитостью нравственных представлений. Им присуща эмоциональная грубость и озлобленность против окружающих людей [125].

Степень зрелости и инфантильности человека определяется уровнем развития отдельных элементов, составляющих его индивидуальные особенности. Соотношение этих элементов не имеет жесткой зависимости и с течением времени с учетом устойчивости личностных характеристик может претерпевать изменения и развитие. Этим можно объяснить тот факт, что экстремистские наклонности часто сочетаются с благоприятными природными задатками, хорошим воспитанием и образованием. У такой личности агрессивность выступает средством поднятия престижа, демонстрации своей самостоятельности и взрослости. При всем многообразии инфантильных проявлений, можно представить две их основные формы: пассивная (отчуждение, конформизм и др.) и активная (псевдоромантизм, экстремизм). В известном смысле экстремизм можно определить как агрессивный инфантилизм [155, с. 19].

Говоря о роли социально-демографических характеристик в формировании экстремистского поведения, можно отметить, что для большинства экстремистски настроенных молодых людей характерен низкий уровень образования. Поскольку экстремистская идеология отличается упрощенной формой изложения, в которой отсутствуют строгая логика, последовательные доказательства, развернутое теоретическое изложение и обоснование, а присутствует ограниченный, легкоусвояемый набор догм: чем менее связана идеология с рациональным познанием исторических законов, с социальной наукой, тем легче она переходит в экстремистскую форму. Кроме того, экстремистское поведение молодежи может быть рассмотрено как поведение, направленное на изменение своего социального положения, демографического, экономического или психологического статуса. При этом экстремистское поведение может иметь как экстермальную обусловленность, т.е. иметь реактивный, ответный характер на внешнее негативное воздействие, так и интернальную обусловленность как следствие несоциализированной энергетической активности.

Экстремальные формы реакции на окружающую действительность связаны с завышенными ожиданиями, присущими молодежи. Для них характерно постоянное стремление превзойти окружающих – родителей, учителей,

сверстников, из чего и формируются индивидуальные проявления группового инновационного потенциала молодежи. При таком стремлении молодые люди, подростки, часто начинают предъявлять нереальные требования, как к окружающей их действительности, так и к себе. Все это находит свое отражение в жизненных планах, интересах, потребностях, а также формирует у молодежи неадекватные ролевые представления [68]. У молодого человека возникает состояние фрустрации, когда он сталкивается с непреодолимыми трудностями на пути достижения своих целей и завышенных ожиданий, не находя возможностей для их преодоления, появляется раздражение, недовольство и гнев. Рефлексия в отношении этих состояний дает осознание того, что все причины нереализованных целей находятся в других людях, что ведет к утрате доверия. Недоверие к другим, в свою очередь, может приводить к враждебности и даже ненависти.

В идеологии экстремиста заложено убеждение в том, что социальная среда может быть преобразована только насильственными действиями, поэтому идеологическая мотивация экстремистского поведения молодежи всегда связана с доминирующим мотивом агрессии [57, с. 418].

Низкая устойчивость к стрессам, а также недостаточная степень толерантности к состоянию фрустрации мешают молодому человеку найти выход из сложившейся ситуации, на что возникает агрессивность, как ответная реакция. Если проявления агрессивности не осуждаются со стороны близкого окружения, конкретные формы ее проявления могут закрепляться в подростковом сознании и поведении как относительно устойчивые черты личности. Агрессивность, превращаясь в убеждения, может приобретать крайние формы фанатизма, если будет получать поддержку со стороны ближайшего окружения. Различные проявления фанатизма встречаются в различных видах деятельности молодых людей – в учебе, в досуге, в спорте, религии, в межнациональных отношениях, в политической жизни. Категоричность взглядов и суждений фанатиков сочетается с нетерпимостью к инакомыслящим, пренебрежением критики, даже доброжелательной.

Другой способ выхода из состояния фрустрации может быть в виде самоотчуждения личности, проявляется в индивидуальном и групповом сознании в форме нигилизма, когда человек отрицает любые идеи, мнения, разделяемые общественным сознанием, принятые общественные нормы. Нигилизм, представляя собой форму самоутверждения подростка, также встречается во всех сферах его жизнедеятельности. Но не следует сводить фанатизм исключительно к агрессивным проявлениям, а нигилизм к пассивной саморефлексии. Как агрессивность, так и самоотчуждение, являясь проявлениями экстремального сознания, в различных жизненных ситуациях могут приобретать крайние формы [68].

Однако, отметим, что все выше сказанное не относится исключительно ко всем представителям молодежной группы. Это характерно для личности, попавшей в неблагоприятные жизненные условия, связанные как с воспитанием в семье, так и с отрицательными воздействиями на личность в социуме. А в силу возрастной специфики молодежь, как социально-демографическая

группа, является наиболее восприимчивой к неблагоприятным условиям и социальным потрясениям.

Как правило, экстремизм берет свое начало из крайностей экстремального, терроризм вырастает из крайностей экстремизма. В свою очередь, терроризм начинает расслаиваться на все более сложные и утонченные формы, исходя от террора фанатиков-одиночек, групп и государства до террора террористических структур [155, с. 15].

По словам В.А. Соснина, большинство исследователей мотивации терроризма на индивидуальном уровне отмечают, что явная психопатология среди террористов достаточно редкое явление. Вместе с тем можно выделить ряд личностных предрасположенностей, которые часто становятся побудительными мотивами вступления индивидов на путь терроризма. Это сосредоточенность на защите своего «Я» с постоянной агрессивной-оборонительной готовностью; неадекватная личностная идентичность, низкая самооценка; неудовлетворенная потребность в присоединении к группе, т.е. в групповой идентификации или принадлежности; социальная изолированность и отчужденность, потеря жизненной перспективы. При этом нельзя сказать, что приведенный набор этих характеристик является каким-то обобщенным психологическим профилем личности террориста. Важное значение в ряде случаев имеют политико-идеологические мотивы вступления в террористическую группу. Но нельзя исключать, что они могут являться формой рационализации более глубоких личностных мотивов, стремления к укреплению личностной идентичности и, что особенно важно, потребности принадлежности к группе [130, с. 66].

Как отмечает С.Н. Ениколопов, для людей, склонных к терроризму, характерны высокая агрессивность, постоянная готовность защитить свое «Я», стремление самоутвердиться, чрезмерная поглощенность собой, незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей, фанатизм [116].

Терроризм это одно из наиболее опасных проявлений экстремизма в современном обществе. В целом терроризм как явление содержит в себе неожиданные насильственные действия или угрозу использования насилия с целью вызвать состояние массового террора у населения и «заставить» руководство страны – объект терроризма выполнить условия террористов [1; 130, с. 118].

В психологической литературе, посвященной последствиям террористических актов, особо выделяются работы Дж. Голдберга (Goldenberg J.L.) и его соавторов, объединенные в единую теорию, в которой рассматриваются психологические последствия ситуаций, связанных с переживанием страха смерти (в частности теракты). Страх смерти нарушает нормальное течение жизни человека, напоминая о его уязвимости. Если личность не сможет победить этот страх в себе, то следующим этапом будет ужас как ответная реакция на угрозу уничтожения [176].

К. Маккоули в своих работах, направленных на исследование причин терроризма, предполагает, что процесс принятия решения реализации преступного поведения, в том числе и террористического акта, проходит через три этапа, названные кризисами. Первый этап – «кризис секретности»,

где человек или группа мирных людей латентно критикует и не одобряет систему, относится к ней отрицательно, но принимает ее правила и живет по ним. Второй этап – «кризис столкновения идеологий» – конфликт между идеологиями группы и государства переходит в открытую форму протеста. Третий – «кризис законности». Открытая конфронтация с обществом переходит в стадию насильственных действий, в том числе и ответного характера – на демонстрацию силы и агрессии со стороны государства [185, с. 118].

Террористические акты включают в себе сильнейшее отрицательное эмоциональное воздействие, вызывающее разрушительный эффект не только на физиологическом, но и на эмоциональном, личностном и социальном уровнях. Терроризм – это устрашение людей осуществляемым насилием. Насилие существует в разных формах: физическое, политическое, социальное, экономическое, информационное и т.д. насилие. В периодичности насилия заключается определенный психологический механизм: за счет регулярного использования террористами насилия у населения возникает опасение того, что насилие может быть применено в любой момент к любому человеку. Так возникает массовая угроза стабильности и безопасности [26, с. 27; 145].

Под переживанием террористической угрозы понимается субъективная оценка риска стать жертвой теракта. Выделяют три компонента переживания террористической угрозы [там же, с. 30-32], отличающихся по своему психологическому содержанию: когнитивный, эмоциональный, поведенческий.

Первый компонент психологической структуры переживания террористической угрозы – когнитивный. Представляет собой осознание реальности угрозы, ее вероятности и возможных последствий. Он также содержит антиципирующие представления об угрозе и сопряженных с ней эмоциях. Отечественный исследователь Д.П. Горский (1973), рассматривая когнитивный аспект теории опережающего отражения, указывает, что субъект в процессе научного познания не просто регистрирует непосредственно наблюдаемые события, но строит опережающие гипотезы и относительно будущих события, изменяющихся в зависимости от изменения условий и относительно того, что дано в настоящем [50, с. 10]. Информация о террористических актах, передаваемая через СМИ и другие средства коммуникации, вызывает не только сочувствие к пострадавшим, но также способствует оказанию психотравмирующего влияния на уязвимую к данной угрозе категорию лиц. Таким образом, поступающая из СМИ информация, а также имеющиеся у субъекта знания о прошлых террористических событиях и их последствиях, являются пусковым механизмом, определяющим, в итоге, интенсивность переживания террористической угрозы [26, с. 37; 138, с. 183-184].

Второй компонент – эмоциональный, может быть как осознаваемым, так и неосознаваемым. Психологическая толерантность к террористической угрозе связана с эмоциональной устойчивостью личности, под которой понимают свойство личности, которое обеспечивает стабильность эмоций при воздействии различных стрессоров, в данном случае информации об угрозе

терактов, а также умение справляться со своими переживаниями данной угрозы.

Третий компонент – поведенческий, к нему относятся те особенности поведения, которые субъективно оцениваются человеком как реакции на теракт. Формы поведения в свою очередь могут быть активными (объединение людей в общественные организации по борьбе с терроризмом) и неактивные (активный поиск информации для снижения неопределенности ситуации).

Раскол общества, его дестабилизация, формирование атмосферы страха, неуверенности и уязвимости, все это является основной целью современного терроризма. Несмотря на то, что террористические акты происходят значительно реже, нежели крупные авиакатастрофы или аварии на угольных шахтах, степень субъективного восприятия риска, вероятности стать следующей жертвой террористического акта у обывателя чрезвычайно высока, особенно в первое время после совершения преступления. Сцены, транслируемые современными СМИ с места совершения террористических актов, надолго и прочно запечатлеваются в памяти обывателя, вызывая тем самым стойкие изменения в поведении не только отдельного человека, но и целых групп [95, 96]. Терроризм любой окраски, любого уровня приводит к моральной деградации не только отдельной личности, но и в конечном итоге общества в целом [20].

В свою очередь, к отсроченным психологическим последствиям терроризма относится посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), которое возникает не только у непосредственных участников психотравмирующих событий, но и у сторонних наблюдателей, которые с помощью СМИ становятся косвенными участниками произошедшего. Результатом ПТСР могут стать депрессия, раздражительность, агрессивность, отчужденность [64, с. 77; 134].

Подводя итог, следует сказать, что переоценка ценностей и изменение ценностных ориентаций, рост правовой неграмотности, проявления нравственной распушенности, нетерпимости, агрессивности, снижение морального сознания, бесконтрольность СМИ, снижение качества образования, увеличение социальной дифференциации, неуважительное отношение к труду, искаженное восприятие социально значимых элементов жизни общества, – все это порождает экстремистские наклонности, особенно в молодежной среде. Кроме того, экстремистское сознание выражается в импульсивности, нетерпимости, внутренней напряженности, конфликтности, деструктивности.

Трудные жизненные условия, отсутствие безопасности и возможностей самоопределения, а также крушение традиционных ценностей социокультурной группы (общества, государства), если объединить их вместе, становятся «социокультурной основой» и «проводником» для формирования экстремистской идеологии и мотивации действий, включая и возникновение феномена современного терроризма [130, с. 40-41].

Глава 2. Эмпирическое исследование отношения к экстремизму у представителей различных социально-демографических групп в пензенской области

2.1. Организация и методы эмпирического исследования

Выборку исследования составили 400 человек с различным уровнем образования, проживающие в г. Пензе и Пензенской области. Из них 250 человек в возрасте от 16 до 25 лет (младшая возрастная категория – 132 девушки (52,8 %) и 118 юношей (47,2 %)); 100 человек в возрасте от 30 до 45 лет (средняя возрастная категория – 49 женщин (49 %) и 51 мужчина (51 %)); 50 человек в возрасте от 50 до 60 лет (старшая возрастная категория – 27 женщин (54 %) и 23 мужчины (46 %)). Во всех возрастных категориях Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» и ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», а также различных организаций Пензенского региона.

Данная выборка репрезентативна в отношении основных социально-демографических показателей генеральной совокупности.

В процессе проведения исследования, обработки и интерпретации данных, полученных в ходе эмпирического исследования, был сделан акцент на такие общеметодологические принципы и подходы, как: комплексный подход (Б.Г. Ананьев, Е.С. Кузьмин, В.А. Ядов и др.); принципы системного подхода в изучении психических явлений, изложенные в работах Б.Г. Ананьева, П.К. Анохина, А.В. Брушлинского, В.А. Ганзена, А.Л. Журавлева, А.В. Карпова, Б.Ф. Ломова и других.

Системный подход в исследовании способствует наиболее целостному раскрытию объекта исследования и выявлению многообразных связей в нем. Использование комплексного подхода связано с гипотезой о том, что типы отношения к проявлениям экстремизма у представителей различных социально-демографических групп имеют различную степень выраженности определенных социально-психологических характеристик, таких как уровень агрессивности, подверженность антидемократической идеологии, переживание террористической угрозы, осмысленность жизни.

В качестве диагностического инструментария эмпирического исследования были использованы следующие методики: «Методика диагностики показателей и форм агрессии» А. Басса и А. Дарки (адаптация А.К. Осницкого), «Тест смысловых ориентаций» Д.А. Леонтьева [88], «Опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ-21)» (Ю.В. Быховец, Н.В. Тарабрина, Н.Н. Бакусева) [26, с. 80-82], «Шкала фашизма» (Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсон, Р. Сэнфорд) (адаптация Г.У. Солдатовой) [115, с. 114];

авторская анкета «Представления об экстремизме и отношение к проявлениям экстремизма» Ю.С. Бузыкиной, В.В. Константинова, направленная на выявление представлений об экстремизме, а также отношения к проявлениям экстремизма и фиксации социально-демографических характеристик респондентов.

Для диагностики уровня агрессивности у представителей различных социально-демографических групп была использована «Методика диагностики показателей и форм агрессии» А. Басса и А. Дарки в адаптации А.К. Осницкого (прил. 2), с помощью которой можно выявить преобладающие у личности показатели и формы агрессии: физическая агрессия, вербальная агрессия, косвенная агрессия, негативизм, раздражение, подозрительность, обида, аутоагрессия или чувство вины. Данный опросник выявляет суммарные показатели – индекс агрессивности и индекс враждебности (реакция, развивающая негативные чувства и негативные оценки людей и событий).

Выявление параметров авторитарной личности, а также степени подверженности антидемократической идеологии осуществлялось с помощью «Шкалы фашизма» (Т. Адорно, Э. Френкель-Брунстик, Д. Левинсон, Р. Сэнфорд) в адаптации Г.У. Солдатовой (прил. 3). Шкала представляет собой набор переменных, каждая из которых рассматривается как важная черта индивида, проявляющаяся не только в этноцентризме, но и в системе мнений и поведении в целом. Эти переменные взаимодополняют друг друга и образуют единый синдром, единую более или менее устойчивую структуру авторитарной личности, которая делает индивида восприимчивым к антидемократической пропаганде. Параметры авторитарной личности: консерватизм; авторитарное подчинение; авторитарная агрессия; анти-интрацепция (неприятие всего субъективного, творческого, обесценивание человека и придание особой значимости объективной реальности); суеверность и стереотипия; «комплекс власти»; деструктивность и цинизм (общая враждебность, очернение человеческой природы); проективность (предрасположение верить в то, что мир зол и опасен; проекция неосознанных, инстинктивных импульсов на внешний мир); преувеличенная озабоченность сексуальной жизнью. В результате подсчитываются баллы по каждой шкале, на основании чего выводится степень подверженности антидемократической идеологии (низкая, средняя, высокая).

Для определения осмысленности жизни, а также ее параметров применялся «Тест смысловых ориентаций» Д.А. Леонтьева (прил. 4). Включает в себя 20 пар высказываний. Обработка результатов сводится к суммированию числовых значений для всех 20 утверждений и переводу суммарного балла в стандартные значения. Восходящая последовательность градаций (от 1 до 7) чередуется в случайном порядке с нисходящей (от 7 до 1). Общий показатель осмысленности жизни выводится из суммирования всех 20 пунктов теста. В данной методике выделены следующие субшкалы: 1) цели; 2) процесс; 3) результат; 4) локус контроля – Я; 5) локус контроля – жизнь.

Для оценки степени переживания террористической угрозы, состоящей из отдельных факторов (признаки посттравматического стресса,

устойчивость, антиципация) был использован «Опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ-21)» (Ю.В. Быховец, Н.В. Тарабрина, Н.Н. Бакусева) (прил. 5). Бланк методики представляет собой список из 21 утверждения. Респонденту необходимо выразить степень своего согласия или несогласия с тем или иным утверждением, поставив отметку на шкале от 1 до 5, где «1» соответствует ответу «Совершенно верно», а «5» – «Совершенно неверно». Обработка результатов заключается в подсчете набранных баллов и их суммировании по трем шкалам с опросника: «Признаки ПТС» (входящие в эту шкалу пункты по своему содержанию соотносятся с критериями посттравматического стрессового расстройства), «Устойчивость» и «Антиципация» (касается возникающих у субъекта мыслей о возможности совершения новых терактов). Сумма набранных баллов по всем трем шкалам опросника образует общий индекс переживания террористической угрозы.

С целью выявления представлений об экстремизме, а также определения отношения к проявлениям экстремизма и фиксации социально-демографических характеристик респондентов, применялась авторская анкета «Представления об экстремизме и отношение к проявлениям экстремизма» Ю.С. Бузыкиной, В.В. Константинова (прил. 1). В основу разработки анкеты были положены теоретические представления о категории «отношения» в концепции В.Н. Мясищева [101, 102, 103, 118], где выделяются три основных вида отношений – положительное, отрицательное и безразличное, и три основных компонента отношения – познавательный, эмоциональный и поведенческий, а также исследования отношений к экстремизму и терроризму С.Н. Ениколопова [64], А.А. Козлова [74, 155], А.А. Мкртычяна [95, 96], В.С. Собкина [127]. В процессе сопоставления результатов, полученных в ходе диссертационного исследования, с результатами эмпирических исследований С.Н. Ениколопова, А.А. Козлова, А.А. Мкртычяна и В.С. Собкина были получены схожие данные.

Основными разделами анкеты [92, с. 31-33] являются введение, содержательная часть, заключительная часть.

Во введении указано кем было проведено исследование и цель его проведения. Дается инструкция по заполнению анкеты.

Содержательная (основная) часть анкеты состоит из трех смысловых блоков. В первом блоке представлен познавательный компонент категории отношения, который включает вопросы, позволяющие выявить понимание сути феномена экстремизма. Для выявления представлений об экстремизме, а также его проявлений, использовались следующие вопросы: «Как Вы считаете, что такое «экстремизм»? «Какие проявления экстремизма Вы знаете»? «Знакомы ли Вы с существованием экстремистских организаций»? «Если да, то перечислите названия экстремистских организаций, которые Вам знакомы».

Второй блок анкеты раскрывает эмоциональный компонент отношения и содержит следующие вопросы: «В случаях, когда Вы сталкиваетесь с людьми, которые отличаются от Вас своим поведением, внешностью, национальностью, какова Ваша обычная реакция»? «Ваше отношение к деятельности представителей экстремистских организаций («оправдываю» /

«не оправдываю»)? «Ваше отношение к введению законодательных ограничений на проявления экстремизма»? «Какие эмоциональные реакции вызывают у Вас экстремисты»? «Ваше отношение к проявлениям экстремизма в целом»?

Третий блок вопросов, в котором представлен поведенческий компонент отношения, позволяет получить информацию о допустимости насилия в целом. Данный блок содержит следующие вопросы: «Можете ли Вы совершить поступки, приносящие страдания, боль, страх и т.д. другому человеку, будучи уверенным в своей правоте»? «Если Вы допускаете насилие, то при каких условиях»? «В состоянии ли Вы контролировать свое поведение в случае конфликта»?

Последний раздел анкеты направлен на сбор информации о социально-демографических характеристиках респондентов: возраст, пол, образование, место проживания.

Анкета содержит открытые, закрытые и полузакрытые вопросы, что позволяет собрать более полную информацию. В ходе «пилотажа» анкеты [92, с. 35-37] были апробированы варианты ответов на некоторые вопросы анкеты: «Какие эмоциональные реакции вызывают у Вас экстремисты»? (добавлены варианты ответов – патриотизм и непонимание). Кроме того, в анкету были добавлены вопросы о названии экстремистских организаций, о реакциях на людей другой национальности, об условиях допустимости насилия.

В процессе обработки результатов все полученные данные были распределены по категориям в соответствии с ключом обработки данных анкеты.

2.2. Эмпирическое исследование социально-психологических характеристик представителей различных социально- демографических групп

По итогам диагностики уровня агрессивности, степени подверженности антидемократической идеологии, переживания террористической угрозы и смысловых ориентаций, были получены следующие результаты (рисунок 2.1).

Как видно из рисунка 3.1, в целом по выборке преобладает средний уровень осмысленности жизни (общий ОЖ) – 226 человек (56,5%). Высокий уровень осмысленности жизни характерен для 101 человека (25,2%), низкий уровень был выявлен у 73 человек (18,3%).

По итогам диагностики уровня агрессивности, показателей и форм агрессии были получены следующие результаты (показатель уровня агрессивности был взят из суммарного показателя индекса агрессивности). У респондентов преобладает средний уровень агрессивности (262 человека – 65,5%). Высокий уровень агрессивности характерен для 91 человека (22,8%), а низкий уровень – для 47 человек (11,7%).

Рис. 2.1. Результаты диагностики социально-психологических характеристик

Для респондентов с высоким уровнем агрессивности в наибольшей степени характерно проявление вербальной агрессии, проявляющей себя в выражении негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных обращений к другим лицам (угроза, ругань).

В ходе диагностики уровня подверженности антидемократической идеологии было выявлено, что большинство респондентов имеют средний уровень подверженности (363 человека – 90,7%). Высокий уровень характерен для 33 человек (8,3%) и для небольшого числа опрошенных характерен низкий уровень подверженности антидемократической идеологии – 4 человека (1%).

По итогам диагностики уровня переживания террористической угрозы было установлено, что для преобладающего числа респондентов характерен средний уровень переживания террористической угрозы – 273 человека (68,3%). Низкий уровень был выявлен у 43 человек (10,7%), а высокий – у 84 человек (21%). При этом по всей выборке преобладает высокий уровень посттравматического стресса (ПТС), т.е. оценка степени травматического воздействия информации о терактах. По таким факторам, как устойчивость (касается эмоциональной составляющей переживания террористической угрозы) и антиципация (касается возникающих у человека мыслей о возможности совершения новых терактов) по всей выборке преобладает средний уровень их проявления.

Можно предположить, что преобладание среднего уровня выраженности антидемократической идеологии и переживания террористической угрозы, связано с тем, что область, где проводилось исследование, террито-

риально отдалена от эпицентров террористических актов и националистических митингов. Однако, особого внимания заслуживают люди с высокой степенью подверженности антидемократической идеологии в совокупности с высоким уровнем агрессивности.

Ниже приведены результаты корреляционного анализа социально-психологических характеристик, полученные в ходе исследования (табл. 2.1).

Таблица 2.1. Взаимосвязь социально-психологических характеристик (по критерию r_s Спирмена)

	Агрессивность	Консерватизм	Автоподчинение	Авторитар. агрессия	Анти-интрацепц.	Суеверность и стереотипия	Комплекс власти	Деструктив. и цинизм	Проективность	Антидемократ. идеология
Агрессивность	1,000	0,108*	0,066	0,139**	0,158**	0,166**	0,155**	0,155**	0,086	0,173**
Пост-травматич. стресс	-0,193**	0,001	-0,044	0,001	0,006	-0,018	-0,094	-0,033	0,107*	-0,011
Устойчивость	-0,086	-0,037	0,020	-0,017	-0,094	-0,008	0,041	-0,022	-0,041	-0,021
Антципация	-0,095	0,028	0,042	0,134**	-0,020	-0,016	0,020	0,018	0,107*	0,070
Общ. инд. пережив. террорист. угрозы	-0,139**	-0,005	-0,021	0,030	-0,025	-0,034	-0,047	-0,024	0,096	0,002
Цели	-0,182**	0,016	0,028	0,051	-0,103*	-0,090	-0,007	-0,052	0,041	-0,023
Процесс	-0,159**	-0,055	0,002	0,011	-0,076	-0,185**	-0,133**	-0,228**	0,079	-0,076
Результат	-0,240**	-0,074	-0,006	-0,009	-0,125*	-0,184**	-0,095	-0,181**	-0,045	-0,109*
Локус контроля-Я	-0,161**	0,004	-0,013	0,016	-0,082	-0,139**	-0,031	-0,073	0,021	-0,066
Локус контроля-жизнь	-0,222**	0,001	-0,097	-0,070	-0,112*	-0,192**	-0,131**	-0,211**	-0,021	-0,163**
Осмысленность жизни	-0,241**	-0,024	-0,027	-0,011	-0,134**	-0,187**	-0,091	-0,163**	-0,006	-0,115*

Условные обозначения: * – уровень значимости $<0,05$; ** – уровень значимости $<0,01$.

В результате корреляционного анализа полученных данных, было установлено, что уровень агрессивности связан с переживанием террористической угрозы ($r_s = -0,139$, при $p \leq 0,01$), осмысленностью жизни

($r_s = -0,241$, при $p \leq 0,01$) и шкалами осмысленности жизни: «цели» ($r_s = -0,182$, при $p \leq 0,01$), «процесс» ($r_s = -0,159$, при $p \leq 0,01$), «результат» ($r_s = -0,240$, при $p \leq 0,01$), «локус контроля – Я» ($r_s = -0,164$, при $p \leq 0,01$), «локус контроля – жизнь» ($r_s = -0,222$, при $p \leq 0,01$), а также подверженностью антидемократической идеологии ($r_s = 0,173$, при $p \leq 0,01$).

Полученные связи свидетельствуют о том, что чем выше уровень агрессивности, тем ниже осмысленность жизни и переживание террористической угрозы, а также выше степень подверженности антидемократической идеологии [22, с. 15].

Осмысленность жизни коррелирует с некоторыми параметрами авторитарной личности: «анти-интрацепция» ($r_s = -0,134$, при $p \leq 0,01$), «суеверность и стереотипия» ($r_s = -0,187$, при $p \leq 0,01$), «деструктивность и цинизм» ($r_s = -0,163$, при $p \leq 0,01$).

Корреляционная связь между осмысленностью жизни и некоторыми параметрами авторитарной личности позволяет говорить о том, что чем выше уровень осмысленности жизни, тем ниже степень выраженности авторитарных черт личности.

Такие результаты можно объяснить тем, что в основе любого насилия лежит агрессия, не находящая социально-приемлемые пути для своей разрядки. Что касается авторитарных черт личности, а также поддержания авторитарной идеологии в целом, можно сказать, что «авторитарные личности» так или иначе применяют насилие и проявляют агрессию (не обязательно физическую). Террор, в основе которого лежит насилие, представляет собой один из способов эффективного воздействия на людей, целью которого является устрашение.

В свою очередь смысл жизни выступает основой поведения и развития человека [147, с. 14] и хотя смысл жизни для каждой личности уникален, следует сказать о существовании ценностей, как смысловых универсалий, которые выполняют две взаимосвязанные функции – жизнеутверждающую и мотивирующую [147].

Личностный смысл, в свою очередь, представляет собой единство аффективных и интеллектуальных процессов личности. Личностный смысл определяется не только возрастными характеристиками человека, но и местом, которое он занимает в системе общественных отношений, а также социальной позицией и общей направленностью личности [61, с. 86].

Всем выше сказанным объясняется то, что у людей с высоким уровнем агрессивности и высокой степенью поддержания авторитарной идеологии, невысокая степень переживания террористической угрозы и достаточно низкий уровень осмысленности жизни.

Из табл. 2.2 видно, что во всех возрастных категориях преобладает городское население: в младшей и старшей возрастных категориях – по 60%, в средней – 79%. Кроме того, в младшей возрастной группе преобладают респонденты со средним образованием (69,2%), в средней возрастной группе – с высшим образованием (87%), а в старшей возрастной категории преобладает одинаковое количество человек со средним специальным (44%) и высшим образованием (44%).

Численное распределение по полу во всех возрастных категориях примерно одинаковое. Но, при этом в средней возрастной категории доминируют представители мужского пола (51%), в младшей (52,8%) и старшей (52%) – представители женского пола.

Таблица 2.2. Распределение выборки по социально-демографическим характеристикам

Возраст. категория	Пол		Место проживания		Образование			Всего
	Муж.	Жен.	Город	Село	Среднее	Среднее спец.	Высшее	
Младшая 16-25 лет	118 (47,2%)	132 (52,8%)	150 (60%)	100 (40%)	173 (69,2%)	24 (9,6%)	53 (21,2%)	250 (62,5%)
Средняя 30-45 лет	51 (51%)	49 (49%)	79 (79%)	21 (21%)	4 (4%)	9 (9%)	87 (87%)	100 (25%)
Старшая 50-60 лет	23 (46%)	27 (54%)	30 (60%)	20 (40%)	6 (12%)	22 (44%)	22 (44%)	50 (12,5%)
Всего по выборке	192 (48%)	208 (52%)	259 (64,7%)	141 (35,3%)	183 (45,7%)	55 (13,8%)	162 (40,5%)	400 (100%)

Исходя из данных, представленных в табл. 2.3, можно сказать о наличии различий в удовлетворенности процессом жизни ($\chi^2 = 6,382$, $p = 0,041$), результативности жизни ($\chi^2 = 7,329$, $p = 0,026$), общем показателе осмысленности жизни ($\chi^2 = 6,853$, $p = 0,032$) в зависимости от уровня образования.

Таблица 2.3. Результаты сравнения респондентов с разным уровнем образования по различным параметрам (критерий Крускала-Уоллиса)

Образование	Параметры					
	Процесс		Результат		Осмысленность жизни	
	Средний ранг	Значимость различий	Средний ранг	Значимость различий	Средний ранг	Значимость различий
Среднее	191,48	$p = 0,036$	192,56	$p = 0,040$	195,14	$p = 0,089$
Среднее специальное	180,15	$p = 0,038$	175,02	$p = 0,017$	171,69	$p = 0,013$
Высшее	217,60	$p = 0,523$	218,12	$p = 0,323$	216,34	$p = 0,187$
χ^2	6,382	$p = 0,041$	7,329	$p = 0,026$	6,853	$p = 0,032$

Так, респонденты с высшим образованием воспринимают свою жизнь в целом, как более осмысленную, у них интересный и эмоционально насыщенный процесс жизни, а также более продуктивный прожитый участок жизни, чем у респондентов со средним и средним специальным образованием. Это может быть связано с тем, что получение высшего образования способствует более конструктивной реализации своих способностей и воз-

можностей, кроме того, расширяется мировоззрение, человек лучше анализирует не только свое прошлое, но и настоящее, возможно, происходит переоценка ценностей.

По данным табл. 2.4 видно, что есть различия в уровне агрессивности ($U = 13,588$; при $p = 0,001$), устойчивости ($U = 22,777$; при $p = 0,001$), локусе контроля – жизнь ($U = 20,466$; при $p = 0,045$) в зависимости от места проживания.

Таблица 2.4. Результаты сравнения респондентов с разным местом проживания по различным параметрам (критерий Манна-Уитни)

Место проживания	Параметры		
	Агрессивность	Устойчивость	Локус контроля – жизнь
	Средний ранг	Средний ранг	Средний ранг
Город	218,54	183,06	191,98
Село	167,37	232,54	216,15
U – Манна-Уитни	13,588; при $p = 0,001$	22,777; при $p = 0,001$	20,466; при $p = 0,045$

Так, у городских жителей наиболее выражена агрессивность, ниже устойчивость к информационному воздействию терактов, а также успешность совладания со своими переживаниями и ниже степень убежденности в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, чем у жителей сельской местности.

Это может быть связано с тем, что живя в городе, на человека действует большое количество разнообразных факторов. Темп городской жизни выше, чем в селах. Человеку приходится приспосабливаться к различным меняющимся условиям жизни. Возрастание уровня агрессивности можно рассматривать и как защитный механизм, способствующий тому, что человек становится более адаптированным к различным воздействиям. Однако, в селах люди более приспособлены к физическому труду, часто сталкиваются с проблемой трудоустройства, в силу чего им приходится надеяться только на собственные силы и не рассчитывать на постороннюю помощь.

Исходя из данных, представленных в табл. 2.5, можно сказать, что существуют различия по полу в уровне агрессивности ($U = 13,636$; при $p = 0,001$), переживании террористической угрозы ($U = 27,335$; при $p = 0,001$), осмысленности жизни ($U = 23,497$; при $p = 0,002$), степени подверженности антидемократической идеологии ($U = 14,671$; при $p = 0,001$) и их параметров. Так, мужчины по сравнению с женщинами более агрессивны, в меньшей степени переживают террористическую угрозу, у них ниже осмысленность жизни и выше степень подверженности антидемократической идеологии. Все это выражается в том, что у женщин чаще, чем у мужчин могут возникать мысли о возможности совершения новых терактов. Факт того, что женщины в большей степени переживают террористическую угрозу, согласуется с зарубежными результатами исследований. Так, по данным американских исследователей, симптомы посттравматического стрессового

расстройства вследствие переживания угрозы терактов чаще проявляются у женщин [173, 186, 189].

Женщины по сравнению с мужчинами воспринимают свою жизнь более осмысленной, интересной и эмоционально насыщенной. Причем, это касается как настоящего, так и прошлого участка жизни. Женщины в большей степени, чем мужчины убеждены в том, что могут сами контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и реализовывать их.

Таблица 2.5. Результаты сравнения респондентов с разным полом по различным параметрам (критерий Манна-Уитни)

Параметры	Пол		U – Манна-Уитни
	Мужской Средний ранг	Женский Средний ранг	
Агрессивность	233,34	169,88	U = 13,636; при p = 0,001
Антиципация	179,92	219,69	U = 23,947; при p = 0,001
Переживание террористической угрозы	162,37	236,06	U = 27,335; при p = 0,001
Посттравматический стресс	160,39	237,90	U = 27,716; при p = 0,001
Устойчивость	179,30	220,27	U = 24,068; при p = 0,001
Процесс	181,49	218,22	U = 23,644; при p = 0,001
Результат	174,48	224,76	U = 24,996; при p = 0,001
Локус контроля – Я	188,61	211,58	U = 22,270; при p = 0,046
Локус контроля – жизнь	183,28	216,56	U = 23,299; при p = 0,004
Осмысленность жизни	182,25	217,51	U = 23,497; при p = 0,002
Консерватизм	220,97	181,41	U = 16,024; при p = 0,001
Авторитарное подчинение	218,38	183,83	U = 16,524; при p = 0,003
Авторитарная агрессия	224,09	178,51	U = 15,423; при p = 0,001
Анти-интрацепция	217,16	184,97	U = 16,760; при p = 0,005
Суеверность и стереотипия	225,13	177,53	U = 15,221; при p = 0,001
Комплекс власти	219,18	183,08	U = 16,370; при p = 0,002
Деструктивность и цинизм	218,96	183,29	U = 16,413; при p = 0,002
Степень подверженности анти-демократической идеологии	227,98	174,87	U = 14,671; при p = 0,001

Кроме того, представители женского пола в меньшей степени склонны к осуждению, отвержению и наказанию людей, которые не уважают традиционные ценности.

Полученные данные (табл. 2.5) можно объяснить с точки зрения социокультурных и гендерных особенностей, а также теми нормами и ролями, которые выполняют и играют представители того или иного пола в нашем обществе.

2.3. Эмпирическое исследование отношения к экстремизму у представителей различных социально-демографических групп в Пензенской области

По результатам, полученным в ходе проведения анкеты, направленной на выявление представлений об экстремизме и отношения к проявлениям экстремизма, все ответы респондентов были разделены на 3 группы (табл. 2.6):

1. Группа респондентов с положительным отношением к проявлениям экстремизма (48 человек, что составляет 12% от выборки в целом);
2. Группа респондентов с негативным отношением к проявлениям экстремизма (260 человек – 65% от выборки в целом), самая многочисленная;
3. Группа респондентов с безразличным отношением к проявлениям экстремизма (92 человека – 23% от выборки в целом).

Таблица 2.6. Результаты по анкете «Представления об экстремизме и отношение к проявлениям экстремизма»

Компоненты отношения		Ответы	Отношение к проявлениям экстремизма			Всего по выборке
			Негативное	Безразличное	Нормальное	
			Кол-во человек	Кол-во человек	Кол-во человек	
Познавательный компонент	Понятие экстремизма	Правильное понимание	204 (78,5%)	51 (55,4%)	17 (35,4%)	272 (68%)
		Упрощен. понимание	55 (21,2%)	39 (42,4%)	28 (58,3%)	122 (30,5%)
		Затрудн. ответить	1 (0,3%)	2 (2,2%)	3 (6,3%)	6 (1,5%)
	Знакомые проявления экстремизма	Терроризм	130 (50%)	42 (45,6%)	27 (56,2%)	199 (49,8%)
		Ксенофобия	21 (8,1%)	4 (4,3%)	11 (22,9%)	39 (9,7%)
		Фашизм и неонацизм	95 (36,5%)	12 (13%)	21 (43,8%)	128 (32%)
		Любое насилие	17 (6,5%)	11 (11,9%)	3 (6,2%)	31 (7,8%)
		Не знают	10 (3,8%)	25 (27,2%)	-	35 (8,7%)

Компоненты отношения		Ответы	Отношение к проявлениям экстремизма			Всего по выборке	
			Негативное	Безразличное	Нормальное		
			Кол-во человек	Кол-во человек	Кол-во человек		
	Знаком-во с сущ-ем экстремист. организаций	Нет	91 (35%)	50 (54,3%)	21 (43,7%)	162 (40,5%)	
		Да, но не состоят в них	159 (61,2%)	34 (37%)	23 (47,9%)	216 (54%)	
		Да, знакомые состоят	10 (3,8%)	8 (8,7%)	2 (4,2%)	20 (5%)	
		Да, являются участниками организации	-	-	2 (4,2%)	2 (0,5%)	
	Названия знакомых экстремист. организаций	«Аль-Каида»	39 (15 %)	4 (4,3%)	7 (14,6%)	50 (12,5%)	
		Скинхеды	7 (2,7%)	12 (13%)	25 (52,1%)	44 (11%)	
		РНЕ (Русское национальное единство)	2 (0,8%)	-	4 (8,3%)	6 (1,5%)	
		Национал-большевистская партия	-	-	4 (8,3%)	4 (1%)	
	Эмоциональный компонент	Реакция на людей, отличающ. св. поведением, внеш-ностью, национальностью	Замечают, но относятся спокойно	95 (36,6%)	32 (34,7%)	2 (4,2%)	129 (32,3%)
			Не нравятся, но стараются скрывать свои чувства	96 (36,9%)	3 (3,3%)	13 (27,1%)	112 (28%)
			Воспринимают негативно и высказываются об этом	17 (6,5%)	-	27 (56,2%)	44 (11%)
			Проявляют агрессию	-	-	6 (12,5%)	6 (1,5%)
Не обращают на них внимания		52 (20%)	57 (62%)	-	109 (27,2%)		
Отношен. к д-ти экстремист. организаций		Оправд-ют	1 (0,4%)	8 (8,7%)	36 (75%)	45 (11,3%)	
		Не оправд-ют	174 (66,9%)	21 (22,8%)	2 (4,2%)	197 (49,3%)	
	Безразлично	85 (32,7%)	63 (68,5%)	10 (20,8%)	158 (39,4%)		
Введен. законодател.	Не запрещать	11 (4,2%)	6 (6,5%)	42 (87,5%)	59 (14,7%)		

Компоненты отношения		Ответы	Отношение к проявлениям экстремизма			Всего по выборке
			Негативное	Безразличное	Нормальное	
			Кол-во человек	Кол-во человек	Кол-во человек	
	ограничений на проявл. экстремизма	Запретить	242 (93,1%)	32 (34,8%)	2 (4,2%)	276 (69%)
		Безразлично	7 (2,7%)	54 (58,7%)	4 (8,3%)	65 (16,3%)
	Эмоц. реакции в отношении экстремистов	Беспокойство	163 (62,7%)	32 (34,7%)	7 (14,6%)	202 (50,5%)
		Страх	74 (28,5%)	8 (8,7%)	2 (4,2%)	84 (21%)
		Жалость	1 (0,4%)	2 (2,2%)	10 (20,8%)	13 (3,2%)
		Патриотизм	5 (1,9%)	3 (3,3%)	25 (52,1%)	33 (8,3%)
		Непонимание	9 (3,4%)	9 (9,8%)	-	18 (4,5%)
		Никакие	8 (3,1%)	38 (41,3%)	4 (8,3%)	50 (12,5%)
	Поведенческий компонент	Да	18 (6,9%)	21 (22,8%)	28 (58,3%)	67 (16,8%)
		Нет	185 (71,2%)	35 (38,1%)	4 (8,3%)	224 (56%)
		Не знают	57 (21,9%)	36 (39,1%)	16 (33,3%)	109 (27,2%)
	Допустимые условия совершения насилия	В случае угрозы жизни и достоинства себя и близких	161 (61,9%)	64 (69,5%)	38 (79,2%)	263 (65,7%)
		При оскорблении нац. достоинства	13 (5%)	10 (10,9%)	6 (12,5%)	29 (7,3%)
		При угрозе установления диктатуры	1 (0,4%)	-	1 (2,1%)	2 (0,5%)
		При отсутствии элементар. ср-в к существованию	2 (0,8%)	2 (2,2%)	3 (6,2%)	7 (1,8%)
		Ни при каких условиях	90 (34,6%)	46 (50%)	-	136 (34%)

Компоненты отношения	Ответы	Отношение к проявлениям экстремизма			Всего по выборке
		Негатив- ное	Безраз- личное	Нормаль- ное	
		Кол-во человек	Кол-во человек	Кол-во человек	
Контроль своего по- ведения в случае кон- фликта	Да	156 (60%)	42 (45,6%)	7 (14,6%)	205 (51,3%)
	Нет	97 (37,3%)	2 (2,2%)	28 (58,3%)	127 (31,7%)
	Не знают	7 (2,7%)	48 (52,2%)	13 (27,1%)	68 (17%)

Как видно из табл. 2.6, респонденты продемонстрировали различное понимание понятия «экстремизм». Так, для 30,5% опрошенных характерно упрощенное понимание, а для большинства респондентов (68%) – правильное понимание экстремизма, как действий, направленных на подрыв безопасности Российской Федерации и захват или присвоение властных полномочий, а также проявление религиозной и национальной неприязни в крайних формах.

К упрощенному пониманию относятся представления об экстремизме, как приверженности к крайним взглядам и мерам (обычно в политике), или каком-либо идеологическом течении. 7 человек (1,7%) дали свои варианты ответов: «экстремизм» – это радикальные методы и способы достижения поставленных целей (т.е. правильное понимание); это общественно опасное явление; это насилие, совершаемое людьми для достижения своих целей. Два последних определения носят несколько упрощенный смысл понятия экстремизм. 6 человек (1,5%) затруднились дать определение экстремизма.

При этом в каждой выделенной группе ответы распределились по-разному. У представителей группы с нормальным отношением к проявлениям экстремизма преобладает упрощенное понимание (58,3%), что составляет 23% от всех респондентов, разделяющих эту позицию. Иная тенденция характерна для второй группы (с негативным отношением): здесь преобладает правильное понимание экстремизма (78,5 %), что соответствует 75 % от всей выборки. Ответы представителей третьей группы (безразличное отношение) показывают, что у них также, как и в первой группе, преобладает правильное понимание экстремизма (55,4%) – 18,7% по выборке в целом.

Большая часть опрошенных знакома с основными проявлениями экстремизма: терроризм (49,8%), фашизм и неонацизм (32%). С ксенофобией знакомы менее 10% респондентов. К проявлениям экстремизма относят любое насилие 7,8% респондентов, а 8,7% ответили, что не знакомы с проявлениями экстремизма. Среди них преобладают представители группы с безразличным отношением. Самый большой процент информированных респондентов о фашизме и ксенофобии относится к группе с нормальным отношением к проявлениям экстремизма (43,8% и 22,9%). О терроризме, независимо от отношения к экстремизму, знает половина опрошенных респондентов.

Больше половины респондентов ответили, что знакомы с существованием экстремистских организаций, но не состоят в них (54%). При этом в выделенных группах с разным отношением ответы распределились по-разному. В группе с безразличным отношением преобладают люди, не знакомые с существованием экстремистских организаций (54,3% – 30,9% от всей выборки). Но при этом здесь самый большой процент тех, чьи знакомые состоят в этих организациях (8,7% – 40% от выборки). Из всей выборки только 2 человека (0,5%) отметили, что являются участником экстремистской организации, и эти люди относятся к группе с нормальным отношением к экстремизму. У респондентов с негативным отношением преобладают те, кто знаком с этими организациями, но не состоят в них (61,2% – 73,7% по выборке).

Что касается названий экстремистских организаций, то всего 26% респондентов информированы о конкретных организациях, из них большинство назвали террористическую группу – «Аль-Каида» (12,5%). Респонденты с нормальным отношением знают о скинхедах (52,1% – 56,8% от выборки), об «Аль-Каиде» (14,6% – 14% от выборки), а также о «Русском национальном единстве» (РНЕ) – 8,3% – 66,7% от выборки, и «Национал-большевистской партии» (8,3% – 100% от выборки). Это самая информированная по этому вопросу группа.

По выборке в целом в отношении людей, которые отличаются своим поведением, внешностью и национальностью, преобладающее большинство опрошенных говорят о том, что замечают их, но относятся спокойно (32,3%). В группе с негативным отношением к проявлениям экстремизма разделились мнения – «Замечаю, но отношусь спокойно» (36,7%) и «Мне они не нравятся, но я стараюсь скрывать свои чувства» (36,8%). В группе с безразличным отношением больше половины респондентов отмечают, что не обращают на них внимания (62%). В группе с нормальным отношением более радикальные взгляды по этому поводу. Так, большинство из них (56,2%) воспринимают представителей другой национальности негативно и высказываются об этом, а 12,5% переходят к проявлению агрессии. Этот факт вызывает настороженность сложившейся ситуации в нашем обществе в отношении людей, которых основное население воспринимает, как «чужих, не похожих на нас».

Для 11,3% респондентов характерно оправдание деятельности представителей экстремистских организаций. Они считают, что только такими способами можно отстоять свою позицию, поскольку люди, к которым применяются подобные действия, заслуживают именно такого отношения к себе. Почти половина опрошенных (49,3%) не оправдывают данную деятельность. Это противоречит их пониманию о способах разрешения конфликтов, а также является нарушением законов общества. 39,5% безразлично относятся к данной проблеме. Среди представителей группы с нормальным отношением преобладает оправдание деятельности экстремистских организаций (75%), что составляет 80% от всех респондентов в выборке. Большинство представителей второй группы (негативное отношение) не оправдывают данную деятельность (66,9% – 88,3% от всех опрошенных).

респондентов), а среди представителей третьей группы преобладает безразличие к данному вопросу (68,5%) – 39,9% от всей выборки.

14,8% респондентов считают, что не следует вводить законодательных ограничений на проявления экстремизма в силу того, что все партии, движения и организации имеют равные права на отстаивание своей идеологии, а также запрет экстремистских изданий нарушает демократию и свободу слова. Преобладающее число опрошенных (69%) выступает за введение законодательных ограничений, т.е. необходимо законодательное ужесточение ответственности за различные проявления национализма, фашизма и экстремизма, кроме того, необходимо введение запрета на деятельность экстремистских партий, движений и организаций. 16,3% относятся к этому безразлично. Среди представителей первой группы преобладает мнение, что не следует ограничивать проявления экстремизма – 87,5% (71,2% от всей выборки). Большинство представителей второй группы – 93,1% (87,7% от выборки в целом) выступают за ограничения проявлений экстремизма. У 58,7% респондентов третьей группы преобладает безразличная позиция по поводу данных мер (83,1% от выборки).

У половины респондентов (50,5%) экстремисты вызывают беспокойство. 21% испытывают страх. 12,5% опрошенных не испытывают в отношении экстремистов никаких эмоций. 11,5% одобряют экстремистов, испытывая к ним патриотические чувства (8,3%) или жалость (3,2%). При этом ответы распределились по-разному в зависимости от отношения к проявлениям экстремизма. Среди представителей группы с нормальным отношением преобладает одобрение экстремистов – 72,9%, что составляет около 76% от всех респондентов, разделяющих эту позицию. Иная тенденция характерна для второй группы: здесь преобладает неодобрение в отношении экстремистов – беспокойство (62,7%) и страх (28,5 %), что соответствует 80,7% и 88,1% от всех респондентов в выборке. Среди представителей третьей группы преобладает безразличие в отношении экстремистов – 41,3% (76% от всей выборки).

Что касается совершения поступков, приносящих страдания, боль, страх другому человеку, будучи уверенным в своей правоте, то из табл. 3.13 видно, что 56% по всей выборке считают, что не могут совершить данные поступки. 27,2% не могут точно определить (не знают) смогли бы или нет причинить страдание другому человеку. 16,8% опрошенных ответили, что смогли бы это сделать. Что касается распределения ответов по группам, то можно сказать, что среди представителей первой группы преобладает мнение о допустимости совершения данных поступков (58,3%), что составляет 41,8% от всех респондентов, разделяющих эту позицию. У представителей второй группы (71,2%) – 82,6% по выборке в целом преобладает отрицательный ответ на данный вопрос. Среди респондентов, входящих в третью группу ответы разделились следующим образом: (38,1%) – 15,6% по выборке в целом говорят о том, что не смогли бы совершить поступки, приносящие страдания, а 39,1% – 33% по выборке не знают, смогли бы это сделать или нет.

У респондентов, не зависимо от отношения к проявлениям, преобладает мнение о допустимости насилия в случае угрозы своей жизни и достоинства, а также жизни и достоинства близких людей (65,7%). У представителей первой группы это 79,2% ответов (14,4% от выборки), второй группы – 61,9% (61,2% от выборки) и у представителей третьей группы – 69,5% (24,3% от выборки в целом).

На вопрос «В состоянии ли Вы контролировать свое поведение в случае конфликта?» больше половины респондентов ответили утвердительно (51,3%), 31,7% ответили, что не могут контролировать свое поведение в конфликтной ситуации, а 17% затруднились ответить на этот вопрос. Среди представителей группы с нормальным отношением к проявлениям экстремизма большинство респондентов отметили, что не в состоянии контролировать свое поведение (58,3%, что составляет 22% от всей выборки). У респондентов, входящих в группу с негативным отношением, преобладает мнение о том, что они в состоянии контролировать свое поведение в случае конфликта (60%) – 76,1% от выборки в целом. В группе с безразличным отношением доминирует процент тех, кто затрудняется ответить на этот вопрос – 52,2% (70,6% от выборки) [24].

В целом, делая вывод по результатам анкеты, можно сказать, что, люди с нормальным отношением к проявлениям экстремизма хорошо информированы о существовании экстремистских организаций и могут входить в их состав. Придерживаются достаточно радикальных взглядов в отношении людей другой национальности. Оправдывают деятельность представителей экстремистских организаций, считая, что только такими способами можно отстаивать свою позицию, а также, что люди, к которым применяются подобные действия, заслуживают именно такого отношения к себе. Считают, что запрет экстремистских изданий нарушает демократию и свободу слова. Экстремисты вызывают у них жалость и патриотические чувства. Наблюдается склонность к совершению поступков, приносящих страдания, боль и страх другим людям. В случае конфликта в основном не в состоянии контролировать свое поведение. Несмотря на небольшой процент участников экстремистских организаций, нельзя не учитывать то, какие негативные последствия могут быть от их деятельности. Это, в свою очередь, является серьезным поводом для беспокойства со стороны общества.

Как видно из полученных данных, уровень информированности о конкретных экстремистских организациях достаточно низкий. Но более важно наличие негативной установки в отношении экстремистских проявлений, которая и доминирует среди опрошенных респондентов. Для них характерно правильное понимание феномена «экстремизма», знакомство с его основными проявлениями, а также с существованием экстремистских организаций, но при этом они не входят в их состав. Им присуще спокойное отношение к людям другой национальности и скрывание своих чувств в отношении тех, кто им не нравится. Представители группы с негативным отношением к экстремизму не оправдывают деятельность представителей экстремистских организаций, выступают за введение запрета на их деятельность, а также за законодательное ужесточение ответственности за различные

проявления национализма, фашизма и экстремизма. Экстремисты вызывают у них беспокойство и страх. Для них не характерна склонность к насилию. Считают, что его применение допустимо только в случае угрозы жизни, здоровья, а также ущемления достоинства близких людей и себя лично. Если сталкиваются с конфликтной ситуацией, то всегда контролируют свое поведение.

Особый интерес вызывают те респонденты, которые демонстрируют безразличную позицию. Тревожный момент состоит в том, что достаточно большой процент респондентов безразлично относится к такому очень серьезному явлению, как экстремизм и его проявления. И опасность заключается в том, что такая позиция может изменяться быстрее, чем положительная или негативная. Представители такой группы могут латентно принимать экстремистские взгляды, но не высказывать их открыто. Однако, пассивная позиция представляет собой почву для новых членов экстремистских организаций. Если у этих людей в ближайшем окружении находятся люди, имеющие определенный опыт, связанный с экстремистской идеологией, то это может в конечном итоге привести к изменению их позиции с нейтральной на положительную. В отношении определения «экстремизма» для людей с безразличным отношением характерно правильное понимание данного феномена. В отношении проявлений экстремизма они придерживаются разных точек зрения, с одной стороны, знакомы с основными проявлениями, а с другой – любое насилие также относят к проявлениям экстремизма. Преимущественно не знакомы с существованием экстремистских организаций. В большинстве своем не обращают внимания на людей, которые отличаются своим поведением, внешностью и национальностью. По поводу деятельности представителей экстремистских организаций они придерживаются безразличной позиции. Выказывают безразличие в отношении введения запрета на деятельность экстремистских партий, движений и организаций. Половина представителей данного типа безразлично относятся к экстремистам, остальные испытывают беспокойство. В отношении совершения поступков, связанных с насилием, а также контроля своего поведения в случаях возникновения конфликтов характерна неопределенность. Насилие допускают только в случае угрозы жизни и ущемления достоинства близких людей и себя лично.

Как показал анализ данных, представленных в табл. 2.7, переменные отношение к экстремизму и понятие экстремизма связаны между собой на уровне значимости ($\chi^2 = 36,823$, при $p = 0,001$); переменные отношение к экстремизму и знакомство с существованием экстремистских организаций связаны между собой на уровне значимости ($\chi^2 = 28,145$, при $p = 0,001$); переменные отношение к экстремизму и реакция на людей, отличающихся своим поведением, внешностью, национальностью, связаны между собой на уровне значимости ($\chi^2 = 65,039$, при $p = 0,001$); переменные отношение к экстремизму и отношение к деятельности экстремистских организаций связаны между собой на уровне значимости ($\chi^2 = 277,402$, при $p = 0,001$); переменные отношение к экстремизму и введение законодательных ограничений на проявления экстремизма связаны между собой на уровне значимости

($\chi^2 = 395,917$, при $p = 0,001$); переменные отношение к экстремизму и эмоциональные реакции связаны между собой на уровне значимости ($\chi^2 = 304,057$, при $p = 0,001$); переменные отношение к экстремизму и совершение поступков, приносящих страдания, боль, страх другому человеку, будучи уверенным в своей правоте связаны между собой на уровне значимости ($\chi^2 = 93,326$, при $p = 0,001$); переменные отношение к экстремизму и контроль поведения в случае конфликта связаны между собой на уровне значимости ($\chi^2 = 97,814$, при $p = 0,001$).

Не выявлено значимых связей между отношением к экстремизму и знакомыми проявлениями экстремизма, а также между отношением к экстремизму и условиями, при которых допустимо насилие.

Таблица 2.7. Связь отношения к проявлениям экстремизма с компонентами анкеты (по χ^2 Пирсена)

Компоненты анкеты		Отношение к проявлениям экстремизма	χ^2 Пирсена
Познавательный компонент	Понятие экстремизма		36,823, при $p = 0,001$
	Знакомство с существованием экстремистских организаций		28,145, при $p = 0,001$
Эмоциональный компонент	Реакция на людей, отличающихся своим поведением, внешностью, национальностью		65,039, при $p = 0,001$
	Отношение к деятельности экстремистских организаций		277,402, при $p = 0,001$
	Введение законодательных ограничений на проявления экстремизма		395,917, при $p = 0,001$
	Эмоциональные реакции в отношении экстремистов		304,057, при $p = 0,001$
Поведенческий компонент	Совершение поступков, приносящих страдания, боль, страх другому человеку, будучи уверенным в своей правоте		93,326, при $p = 0,001$
	Контроль своего поведения в случае конфликта		97,814, при $p = 0,001$

Как показал анализ данных табл. 2.8, переменные отношение к экстремизму и возраст связаны между собой на уровне значимости ($\chi^2 = 14,490$, при $p = 0,006$), переменные отношение к экстремизму и пол связаны между собой на уровне значимости ($\chi^2 = 57,307$, при $p = 0,001$), переменные отношение к экстремизму и уровень образования связаны между собой на уровне значимости ($\chi^2 = 19,232$, при $p = 0,001$).

Значимых связей между местом проживания и отношением к проявлениям экстремизма выявлено не было.

На рисунке 2.2, рисунке 2.3 и рисунке 2.4 показаны результаты распределения социально-демографических характеристик респондентов с разным отношением к проявлениям экстремизма.

Таблица 2.8. Связь отношения к проявлениям экстремизма с социально-демографическими характеристиками (по χ^2 Пирсена)

Социально-демографические характеристики \ Отношение к проявлениям экстремизма	χ^2 Пирсена
Возраст	14,490, при $p = 0,006$
Пол	57,307, при $p = 0,001$
Образование	19,232, при $p = 0,001$
Место проживания	Значимых связей не выявлено

По рисунку 2.2 видно, что по всей выборке по численности преобладает младшая возрастная категория. На фоне доминирования во всех группах негативного отношения, что является ожидаемым результатом, следует отметить неоднозначную позицию по двум другим видам отношения. Так, число тех, кто положительно относится к проявлениям экстремизма, преимущественно приходится на младшую возрастную категорию (79,1%, что составляет 15,2% от выборки). В свою очередь, среди тех, кто проявляет безразличие, больше всего представителей средней возрастной категории (35,9%, что составляет 33% от всей выборки). Число представителей старшей возрастной категории почти одинаково в группе с негативным (13,1% – 68% от всей выборки) и безразличным отношением (15,2% – 28% от всей выборки).

Рис. 2.2. Возраст

Как видно из рисунка 2.3, в первой и третьей группах преобладают представители мужского пола. Иная тенденция характерна для второй группы: здесь преобладают представители женского пола, что соответствует 79,7 % по выборке.

Рис. 2.3. Пол

По рисунку 2.4 видно, что среди респондентов с разным уровнем образования чаще встречаются представители второй группы (негативное отношение). В группе с положительным отношением преобладает среднее образование, а в группе с безразличным отношением – высшее образование.

Рис. 2.4. Образование

В отношении места проживания можно сказать, что для 64,7% респондентов характерно проживание в городе, а 35,3% респондента живут в селе. Так, количество людей, проживающих в городе и селе по всем типам отношений примерно одинаково.

В результате применения критерия Крускала-Уоллиса можно сделать выводы о наличии различий в отношении к проявлениям экстремизма в зависимости от таких социально-психологических характеристик, как уровень агрессивности ($\chi^2 = 73,276$, $p = 0,001$); степень подверженности антидемократической идеологии ($\chi^2 = 58,462$, $p = 0,001$) и параметры авторитарной личности: «консерватизм» ($\chi^2 = 24,179$, $p = 0,001$), «авторитарное подчинение» ($\chi^2 = 35,724$, $p = 0,001$), «авторитарная агрессия» ($\chi^2 = 27,309$, $p = 0,001$), «анти-интрацепция» ($\chi^2 = 28,866$, $p = 0,001$), «суеверность и стереотипия» ($\chi^2 = 44,446$, $p = 0,001$), «комплекс власти» ($\chi^2 = 32,149$, $p = 0,001$), «деструктивность и цинизм» ($\chi^2 = 21,418$, $p = 0,001$), «проективность» ($\chi^2 = 9,656$, $p = 0,008$); степень выраженности переживания террористической угрозы ($\chi^2 = 19,386$, $p = 0,001$) и ее факторами: «признаки посттравматического стрессового расстройства» ($\chi^2 = 22,076$, $p = 0,001$), «устойчивость» ($\chi^2 = 9,577$, $p = 0,008$), «антиципация» ($\chi^2 = 10,499$, $p = 0,005$); осмысленность жизни ($\chi^2 = 41,925$, $p = 0,001$) и шкалы осмысленности жизни: «цели» ($\chi^2 = 25,081$, $p = 0,001$), «процесс» ($\chi^2 = 40,961$, $p = 0,001$), «результат» ($\chi^2 = 36,346$, $p = 0,001$), «локус контроля – Я» ($\chi^2 = 27,332$, $p = 0,001$), «локус контроля – жизнь» ($\chi^2 = 39,041$, $p = 0,001$).

Как видно из табл. 2.9, по средним значениям замечены различия в группах.

Таблица 2.9. Соотношение социально-психологических характеристик в группах с разным отношением к проявлениям экстремизма

Социально-психологические характеристики \ Группы	Группа с положительным отношением	Группа с негативным отношением	Группа с безразличным отношением	По выборке	χ^2
Агрессивность	73,1	52,1	58,8	56,1	73,276**
Переживание террористической угрозы (общий индекс)	46,7	54,4	53,1	53,2	19,386**
Осмысленность жизни	91,1	105,7	94,2	101,3	41,925**
Подверженность антидемократической идеологии	145,5	122,8	125,1	126,1	58,462**

Условные обозначения: * – уровень значимости $<0,05$; ** – уровень значимости $<0,01$

Так, в группе с положительным отношением к проявлениям экстремизма по сравнению с группой с негативным и безразличным отношением выше баллы по агрессивности и подверженности антидемократической идеологии, но ниже по переживанию террористической угрозы и осмысленности жизни. В группе с негативным отношением к проявлениям экстремизма, по сравнению с группой с безразличным отношением, ниже баллы по

агрессивности и подверженности антидемократической идеологии, но немного выше по переживанию террористической угрозы и выше по осмысленности жизни [21].

В ходе дискриминантного анализа было установлено, что группы дискриминируются двумя функциями, причем первая функция более информативна (91,7%). Эта функция обладает высокой дискриминантной способностью ($\lambda = 0,617$; $\chi^2 = 190,667$; $df = 8$; $p = 0,001$). При этом значимость второй функции используется в качестве дополнения ($p = 0,001$) (табл. 2.9).

Таблица 2.10. Лямбда Уилкса

Проверка функций	Лямбда Уилкса λ	χ^2	Степень свободы	Уровень значимости
от 1 до 2	0,617	190,667	8	0,001
2	0,953	18,927	3	0,001

В табл. 2.10 приведены значения Лямбды Уилкса, которая проверяет значимость дискриминантной функции, она показывает, значимо ли различаются между собой средние значения дискриминантных функций в группах. В данном случае функция значима на уровне 0,001.

При этом в первую функцию вошли показатели агрессивности, степень подверженности антидемократической идеологии и переживание террористической угрозы, а вторая преимущественно включала осмысленность жизни (табл. 2.11).

Таблица 2.11. Структурная матрица

Социально-психологические характеристики	Функция	
	1	2
Агрессивность	0,643*	-0,132
Подверженность антидемократической идеологии	0,631*	0,484
Переживание террористической угрозы (общий индекс)	-0,309*	-0,138
Осмысленность жизни	-0,413	0,829*

**Максимальная по абсолютной величине корреляция между переменными и дискриминантными функциями*

Табл. 2.11 демонстрирует коэффициенты корреляции каждой независимой переменной и значение дискриминантной функции. Они проранжированы (по абсолютной величине) по степени их влияния, о силе связи говорят значения этих коэффициентов. То есть, больше всего влияет агрессивность, затем степень подверженности антидемократической идеологии и переживание террористической угрозы.

Так, чем выше значение первой функции (1,865), тем больше вероятность отнесения респондентов к группе с положительным отношением к

проявлениям экстремизма, чем ниже значение первой функции (-0,416), тем вероятнее отнесение к группе с негативным отношением. А отнесение к группе с безразличным отношением находится между ними (0,204). Вторая функция наиболее связана с осмысленностью жизни. Чем ниже значение данной функции (-0,399), тем больше вероятность проявления безразличия (табл. 2.12).

В представленной таблице 2.12 приведены координаты центроидов для всех групп, позволяющие интерпретировать канонические функции относительно их роли в различении групп.

Таблица 2.12. Функции в центроидах групп

Отношение к экстремизму	Функция	
	1	2
Положительное	1,865	0,208
Негативное	-0,416	0,103
Безразличное	0,204	-0,399

Дискриминантный анализ позволяет в 73,3% верно классифицировать отношение к проявлениям экстремизма. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что социально-психологические характеристики обуславливают типы отношения к проявлениям экстремизма.

2.4. Типы отношения к проявлениям экстремизма в Пензенской области

Под типами отношения к проявлениям экстремизма понимается комплекс социально-психологических характеристик, взаимосвязанных между собой и проявляющихся у представителей различных социально-демографических групп. Типы были выделены эмпирически в ходе дискриминантного анализа.

1. Лояльный тип отношения к проявлениям экстремизма. В данном типе преобладают представители младшей возрастной категории (молодежь), со средним образованием, преимущественно мужского пола. Доминирует высокий уровень агрессивности, характерна общая неудовлетворенность своей жизнью, склонность к суевериям и убежденность в том, что бессмысленно что-либо загадывать на будущее в силу того, что человек сам не может контролировать свою жизнь. Наблюдается низкая степень переживания террористической угрозы. Скорее всего, это является следствием того, что люди с положительным отношением к экстремизму живут сегодняшним днем и не строят планов относительно будущего, а переживание угрозы жизни относится именно к будущему человека. При этом прогнозирование вероятности стать жертвой теракта становится основой для возникновения

эмоционально-когнитивных структур, содержащих представления о террористической угрозе. Наблюдается сильная приверженность ценностям среднего класса, некритическое стремление к подчинению авторитетам, потребность в сильном лидере, склонность к осуждению и наказанию людей, не уважающих традиционные ценности. Для них необходим «внешний» объект для разрядки подавленных в «мы-группе» агрессивных импульсов, наблюдается общая враждебность, очернение человеческой природы, оценка враждебности по отношению к чужакам как естественной. Они склонны к обесцениванию человека и приданию особой значимости объективной реальности. Данный тип характеризуется наличием у личности упрощенного понимания феномена «экстремизма», как приверженности к крайним взглядам и мерам (обычно в политике), либо как какого-либо идеологического течения. Представители данного типа знакомы с основными проявлениями экстремизма, а также хорошо информированы о существовании экстремистских организаций и могут входить в их состав. Придерживаются достаточно радикальных взглядов в отношении людей другой национальности. Так, представители данного типа воспринимают представителей другой национальности негативно и высказываются об этом, а также могут переходить к проявлению агрессии. Характерно оправдание деятельности представителей экстремистских организаций, считая, что только такими способами можно отстаивать свою позицию, а также поскольку люди, к которым применяются подобные действия, заслуживают именно такого отношения к себе. Считают, что все партии, движения и организации имеют равные права на отстаивание своей идеологии, а также, что запрет экстремистских изданий нарушает демократию и свободу слова. Экстремисты вызывают у них жалость и патриотические чувства. Представители данного типа склонны к совершению поступков, приносящих страдания, боль и страх другим людям, будучи уверенными в своей правоте. Считают допустимым совершение насилия в случае угрозы своей жизни, а также ущемлении достоинства близких людей и при оскорблении национального достоинства. В случае конфликта в основном не в состоянии контролировать свое поведение.

2. Нетерпимый тип отношения. Данный тип отношения является преобладающим, особенно среди представителей старшей возрастной категории. Однако сюда также можно отнести младшую и среднюю возрастные категории с разными уровнями образования (среднее, среднее специальное, высшее). Сюда входят преимущественно представители женского пола. Преобладает средний уровень агрессивности, характерна наполненность жизни смыслом, целеустремленность, восприятие самого процесса жизни эмоционально насыщенным. Наблюдается уверенность в умении контролировать свою жизнь и свободно принимать решения. Развито воображение, характерна склонность к фантазированию, творчеству, отсутствует враждебность к «чужакам». Наблюдается средний уровень переживания террористической угрозы. Для них характерна выраженность посттравматического стресса (степень травматического воздействия информации о терактах), а также более низкий уровень устойчивости и антиципации, которая выражается в

мыслях о возможности совершения новых терактов. Данный тип характеризуется наличием у личности правильного понимания феномена «экстремизма», как действий, направленных на подрыв безопасности Российской Федерации и захват или присвоение властных полномочий, а также проявление религиозной и национальной неприязни в крайних формах. Представители данного типа знакомы с основными проявлениями экстремизма, а также с существованием экстремистских организаций, но не входят в их состав. Кроме того, они спокойно относятся к людям другой национальности и скрывают свои чувства в отношении тех, кто им не нравится. Представители данного типа не оправдывают деятельность представителей экстремистских организаций, поскольку это противоречит адекватным способам разрешения конфликтов, а также является нарушением законов общества. Выступают за введение запрета на деятельность экстремистских партий, движений и организаций, а также считают, что необходимо законодательное ужесточение ответственности за различные проявления национализма, фашизма и экстремизма. Экстремисты вызывают у них беспокойство и страх. Представители данного типа не склонны к совершению насилия, даже если уверены в своей правоте. Считают, что насилие может быть допустимо только в случае угрозы жизни, здоровья, а также ущемления достоинства близких людей и себя лично. Если сталкиваются с конфликтной ситуацией, то всегда контролируют свое поведение.

3. Безразличный тип отношения к проявлениям экстремизма. К данному типу могут быть отнесены представители всех возрастов, однако преобладает средняя возрастная категория, преимущественно мужского пола. Доминирует высшее образование. Данная группа занимает промежуточное положение между группами с негативным и положительным отношением к проявлениям экстремизма. Преобладает средний уровень агрессивности, но показатель агрессивности выше, чем во втором типе. Представители данного типа в меньшей степени склонны строить планы относительно будущего, чем представители нетерпимого отношения. Но, в целом удовлетворены своей настоящей и прожитой частью жизни. Для респондентов с безразличным отношением характерна склонность к осуждению, отвержению и наказанию людей, не уважающих традиционные ценности (умеренная степень выраженности). У них присутствует страх проявления подлинных чувств и потери самоконтроля. Кроме того, присутствует вера в мистическое предначертание судьбы, характерна ригидность мышления и предрасположенность верить в то, что мир зол и опасен, а также проекция неосознанных, инстинктивных импульсов на внешний мир. Характерен средний уровень переживания террористической угрозы, а также средняя выраженность посттравматического стресса. В отношении определения «экстремизма» характерно правильное понимание данного феномена. В отношении проявлений экстремизма придерживаются разных точек зрения, с одной стороны, знакомы с основными проявлениями экстремизма, а с другой – любое насилие также относят к проявлениям экстремизма. Преимущественно не зна-

комы с существованием экстремистских организаций. Кроме того, в большинстве своем не обращают внимания на людей, которые отличаются своим поведением, внешностью и национальностью. По поводу деятельности представителей экстремистских организаций они придерживаются безразличной позиции. Выказывают безразличие в отношении введения запрета на деятельность экстремистских партий, движений и организаций. Половина представителей данного типа безразлично относятся к экстремистам, остальные испытывают беспокойство. В отношении совершения поступков, связанных с насилием, а также контроля своего поведения в случаях возникновения конфликтов характерна неопределенность. Как и представители двух типов, описанных выше, насилие допускают только в случае угрозы жизни и ущемления достоинства близких людей и себя лично.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монография посвящена актуальной проблеме отношения к экстремизму у представителей различных социально-демографических групп в региональном аспекте. Актуальность проблемы исследования определяется потребностью современного общества в практическом изучении данной предметной области и отсутствием для этого разработанной теоретической и методической базы.

Научная новизна и теоретическая значимость работы состоят в том, что были исследованы социально-психологические характеристики личности, их связь с отношением к проявлениям экстремизма у представителей различных социально-демографических групп, что позволило на основании проведенного дискриминантного анализа, и в зависимости от степени выраженности уровня агрессивности, подверженности антидемократической идеологии, переживания террористической угрозы и осмысленности жизни, выделить типы отношения к проявлениям экстремизма у представителей различных социально-демографических групп (лояльный тип, нетерпимый тип и безразличный тип).

В теоретической части монографии даны представления о сущности экстремизма, как социального явления, и его проявлений, сущности и структуре категории отношения, а также соотнесение данного понятия с категориями социальной установки, личностного смысла и направленности личности, описываются основные социально-психологические характеристики отношения к проявлениям экстремизма в обществе. В эмпирической части представлены и описаны основные результаты проведенного эмпирического исследования.

Подводятся итоги исследования, можно сделать основные выводы:

1. Отношение личности к проявлениям экстремизма характеризуется направленностью психического акта, установкой на оценку, избирательностью, предрасположенностью и готовностью к определенному образу действия. В структуру отношения входят три компонента – эмоциональный, когнитивный и поведенческий, которые в сочетании с определенными социально-психологическими характеристиками личности наполняют содержанием ее отношение к проявлениям экстремизма.

2. При рассмотрении предпосылок экстремистского поведения необходим учет как социально-культурных, так и психофизиологических факторов,

среди которых следует особо выделить эмоционально-чувственные и нравственно-психологические. В качестве источников экстремизма выступают: стремление к экстремальности, заложенное в самой природе человека и принуждающее его к постоянному движению и развитию; «кризис идентичности», а также ксенофобия, в основе которой лежит интолерантное отношение к «чужим» группам.

3. Психологическими механизмами экстремизма выступают страх перед чужим, основанный на неуверенности в своих силах, а также недоверие и отсутствие взаимопонимания с другими людьми, что является основой для проявления агрессивности. Кроме того, обращаясь к проблеме происхождения экстремизма, следует учитывать конкретные социальные причины, способствующие возникновению именно данной формы экстремизма.

4. По характеру и способам реализации своих целей экстремизм имеет схожие черты с фанатизмом, которые проявляются в категоричности взглядов и суждений, нетерпимости к инакомыслящим, пренебрежении критики и крайней агрессивности. Психологически фанатизм опирается на идеи экстремизма и радикализма. В сознании фанатика действуют стереотипы, предубеждения и предрассудки, которые являются основными видами социальной установки.

5. Переоценка ценностей и изменение ценностных ориентаций, их примитивность, рост правовой неграмотности, проявления нравственной распущенности, нетерпимости, агрессивности, снижение морального сознания, ограниченность нравственно-эстетических представлений, бесконтрольность СМИ, снижение качества образования, увеличение социальной дифференциации, неуважительное отношение к труду, искаженное восприятие социально значимых элементов жизни общества и др., – все это порождает экстремистские наклонности, особенно в молодежной среде, объясняет основную установку мировоззрения экстремиста на поиск более легких путей к достижению своих целей.

6. Эмпирически подтверждено наличие взаимосвязей между отношением к проявлениям экстремизма и такими социально-демографическими характеристиками личности, как пол, возраст, образование.

7. Выявлены различия в удовлетворенности процессом жизни, результативности жизни, общем показателе осмысленности жизни в зависимости от уровня образования. Различия в уровне агрессивности, устойчивости, локусе контроля – жизнь в зависимости от места проживания. Выявлены гендерные различия в уровне агрессивности, переживании террористической угрозы, осмысленности жизни, степени подверженности антидемократической идеологии.

8. Установлено, что отношение к проявлениям экстремизма у представителей различных социально-демографических групп связано с такими

социально-психологическими характеристиками личности, как уровень агрессивности, подверженность антидемократической идеологии, переживание террористической угрозы и осмысленность жизни, имеющими разную степень выраженности.

9. Описаны содержательные характеристики отношения к проявлениям экстремизма. На основании выраженности выявленных различий, а также на основании результатов дискриминантного анализа, были выделены три типа отношения к проявлениям экстремизма, которые можно считать основными для рассмотренной выборки: 1) лояльный; 2) нетерпимый; 3) безразличный типы. Под типами отношения к проявлениям экстремизма понимается комплекс социально-психологических характеристик, взаимосвязанных между собой и проявляющихся у представителей различных социально-демографических групп.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авдеев Ю.И. Основные тенденции современного терроризма / Ю.И. Авдеев // Современный терроризм: состояние и тенденции / под ред. Е.И. Степанова. М., 2000.
2. Авдуевская Е. П. Особенности социализации подростка в условиях быстрых социальных изменений / Е.П. Авдуевская, С.А. Баклушинский // Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника. М., 1995. Т. 3. Вып. 4. С. 118-132.
3. Авцинова Г.И. Политический радикализм в России; концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации / Г.И. Авцинова // Вестник МГУ. Политические науки. 1995. № 3. С. 45.
4. Адорно Т. Исследования авторитарной личности / Т. Адорно и др. М.: Академия исследований культуры, 2001. 411 с.
5. Андреева Г.М. Психология социального познания: учебное пособие / Г.М. Андреева. М.: Изд-во Аспект Пресс, 2004. 288 с.
6. Антонян Ю.М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение / Ю.М. Антонян. М., 1987. С. 41-52.
7. Антонян Ю.М. Экстремистское и террористическое поведение с позиций глубинной психологии / Ю.М. Антонян, Е.Н. Юрасова // Научный портал МВД России. 2010. № 2 (10). С. 3-10.
8. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. Изд-во «Смысл», 2007. 528 с.
URL: <http://lib.rus/ec/b/441031/read#t39>
9. Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма / Н.Н. Афанасьев // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1. С. 233-234.
10. Бааль Н.Б. Политический экстремизм как социальный феномен и теоретическая проблема / Н.Б. Бааль // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». М.: Изд-во МГОУ, 2007. Вып. 6. № 1. С. 5-11.
11. Бакес У., Йессе Э. Политический экстремизм в ФРГ: Реферат. М.: ИНИОН, 1996. 12 с.

12. Беликов С. Политический экстремизм в молодежной среде / С. Беликов // Материалы «круглого стола» «Молодежь и политика» в МГУ им. М.В. Ломоносова, апрель 1999. 546 с.
13. Бердяев Н.А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. М., 1994.
14. Берн Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. СПб.: Изд-во «Прайм-Еврознак», 2001. 320 с.
15. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности / Н.А. Бернштейн // Биомеханика и физиология движений. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1997. С. 342-458.
16. Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология и политика. М., 1985. 71 с.
17. Бокарев С.Н. Экстремизм в современной России: социально-правовой аспект / С.Н. Бокарев // Труды Академии управления МВД России. 2008. № 2(6). С. 61-66.
18. Большая советская энциклопедия: в 30 т. М.: «Советская энциклопедия», 1969 -1978. URL: <http://slovari.yandex.ru>
19. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
20. Бояр-Созонович Т.С. Международный терроризм: Политико-правовые аспекты / Т.С. Бояр-Созонович. Киев; Одесса, 1991. 214 с.
21. Бузыкина Ю.С. Изучение смысложизненных ориентаций и уровня переживания террористической угрозы у представителей трех поколений / Ю.С. Бузыкина, В.В. Константинов // Психология и право. 2013. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58311.shtml>
22. Бузыкина Ю.С. К вопросу детерминации отношения к проявлениям экстремизма / Ю.С. Бузыкина, В.В. Константинов // Перспективы науки. 2013. № 4(43). С. 14-16.
23. Бузыкина Ю.С. Социально-психологические характеристики и отношение к проявлениям экстремизма у студентов ВУЗа и учащихся школы / Ю.С. Бузыкина // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 24. С. 904-910.
24. Бузыкина Ю.С. Экстремизм как социально-психологическое явление и представление современной молодежи о проявлениях экстремизма / Ю.С. Бузыкина // Формирование культурно-продуктивной личности в меняющейся социокультурной ситуации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием – Осовских педагогических чтений «Образование в современном мире: новое время – новые решения». Саранск / редкол.: Т.И. Шукшина; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2011. С. 11-16.
25. Бутаева М.А. Исследование гендерных стереотипов в современном обществе. Теория и практика гендерных исследований в мировой науке:

материалы Международ. науч. практ. конференции. Пенза; Ереван; Прага: ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. С. 155-164.

26. Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство / Ю.В. Быховец, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 85 с.

27. Вайзер Г.А. Смысл жизни и возраст // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни / Под ред. В. Э. Чудновского, А.А. Бодалева, Н. Л. Карповой. М.: Психол. Ин-т РАО. 1997. С. 91-190.

28. Вангородская С.А., Колпина Л.В. Перспективы исследования молодежного экстремизма как социальной болезни: клинический аспект. Социокультурная среда молодежного экстремизма и ксенофобии: сб. материалов Междунар. науч. практ. конф. Белгород: Константа, 2008. 257 с.

29. Василев Г. Без демаркационной линии / Г. Василев. М., 1976. 173 с.

30. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб., 2005. 655 с.

31. Васильев Ф.П. Природа современного экстремизма // Труды Академии управления МВД России. М., 2009. № 1(9). С. 25-30.

32. Верховский А.М. Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать. М.: Центр «Панорама». 2002. 220 с.

33. Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1996. 356 с.

34. Вещева Н.С. Гендерные стереотипы и гендерные представления. Теория и практика гендерных исследований в мировой науке: материалы Международ. науч. практ. конференции. Пенза; Ереван; Прага: ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. С. 151-155.

35. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека / В.К. Вилюнас. М.: МГУ, 1990. 288 с.

36. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении 1922-1982 / В. Випперман; пер. с нем. А.И. Федорова. Новосибирск, 2000. 131 с.

37. Витюк В.В. Некоторые проблемы терроризма в аспекте современных конфликтных ситуаций (соображения террологов) / В.В. Витюк // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения: сб. науч. тр. М., 1993. Вып. 4. С. 53.

38. Витюк В.В. Под чужими знаменами. Лицемерие и самообман «левого» терроризма / В.В. Витюк. М.: Мысль, 1985. 206 с.

39. Витюк В.В. Социальная сущность и идейно-политические концепции современного «левого» терроризма: дис. ... док. филос. наук. М., 1985. 215 с.

40. Витюк В.В. Терроризм в истинном свете // Глобус. 1984. №4.

41. Витюк В.В. «Левый» терроризм на Западе: история и современность / В.В. Витюк, С.А. Эфиров. М.: Наука, 1987. 318 с.

42. Витюк В.В. Левый экстремизм и идеал социальной справедливости / В.В. Витюк, С.А. Эфиров // Социальная справедливость и пути ее реализации в социальной политике. М., 1982. Кн. 2.
43. Власов В.И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика / Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова. М.: Изд-во РАГС. 2003. 112 с.
44. Волков Ю.Г. Социология: учебник для вузов / Ю.Г. Волков, И.В. Мошова; под ред. В.И. Добренкова. М.: Гардарики, 1998. 244 с.
45. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика // сб.: Психология индивидуальных различий / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: «ЧеРо», 2000. С. 566-568.
46. Генри Э. Анатомия терроризма // Новое время. 1981. № 39. С. 29-31.
47. Генри Э. Против терроризма / Э. Генри. М., 1981. 157 с.
48. Генри Э. Современный люмпен – пролетариат и экстремизм / Э. Генри // Проблемы мира и социализма. 1979. № 9.
49. Гозман Л.Я. Политическая психология / Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопад. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 448 с.
50. Горский Д.П. Человеческое познание как отражение действительности // Ленинская теория отражения и современная наука. София: Наука и искусство, 1973. С. 168.
51. Грачев А.С. Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986. 271 с.
52. Грачев А.С. Тупики политического насилия: экстремизм и терроризм на службе международной реакции / А.С. Грачев. М., 1982. 192 с.
53. Грызлов Б. Экстремизм как угроза суверенной демократии / Б. Грызлов // Российская газета. 2006. 15 декабря. Федерал. вып. № 4249.
54. Гуськов Д.В. Молодежный экстремизм, как социокультурный феномен. Социокультурная среда молодежного экстремизма и ксенофобии // Сб. материалов Междунар. науч. практ. конф. Белгород: Константа, 2008. 257 с.
55. Демидов А.И. Политический радикализм как источник правового нигилизма / А.И. Демидов // Государство и право. 1992. № 4. С. 108.
56. Дибиров А. Н.З. Современный политический экстремизм: взгляд ученых / А. Н.З. Дибиров // Дагестанская правда. 2009. № 355-356.
57. Дибиров А. Н.З. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, организация, практика, профилактика и противодействие / А. Н.З. Дибиров, Г.К. Сафаралиев. Махачкала, 2009. 512 с.
58. Дилигенский Г.Г. Российский горожанин конца девятых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование). М., 1998.
59. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология: учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Ин-т «Открытое о-во». М.: Наука, 1994. 304 с.

60. Добаев И.П. Современные подходы к определению «нового терроризма» / И.П. Добаев // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 145-155.
61. Добрынина В.И. Ментальные, социокультурные и возрастные факторы отклоняющегося поведения. Социокультурная среда молодежного экстремизма и ксенофобии // Сб. материалов Междунар. науч. практ. конф. Белгород: Константа, 2008. С. 83-87.
62. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.
63. Дубовый Л.М. Введение в психологию смысла / Л.М. Дубовый. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2006. 136 с.
64. Ениколопов С.Н. Психологические последствия терроризма / С.Н. Ениколопов, А.А. Мкртычян // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 71-80.
65. Залевский Г.В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества. Индивидуально-личностные диспозиции фанатизма / Г.В. Залевский // Сибирский психологический журнал. 2008. № 28. С. 49-53.
66. Залиханова Л.И. Национальный и религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учебное пособие / Л.И. Залиханова. Нальчик: Каб-Балк. ун-т., 2003. 52 с.
67. Зорина Е.А. Молодежь как особая часть общества.
URL: <http://lib.socio.msu.ru/l/library>
68. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37-47.
69. Ким В.В. Социальные противоречия в «зеркале» миграции как фактор возникновения фанатизма / В.В. Ким // Вестник томского государственного педагогического университета. 2013. № 5 (133). С. 122-129.
70. Ким В.В. Фанатизм как социальное чувство: социально-философский анализ. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/20.html>
71. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
72. Киселева М.А. Антиципация жизненного пути и социальное самочувствие молодого поколения / М.А. Киселева, Г.Н. Малюченко, О.В. Карина, Н.Е. Шустова. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2009. 123 с.
73. Клецина И.С. Гендерная психология / И. С. Клецина. СПб., 2009. 496 с.
74. Козлов А.А. О проблемах профилактики экстремизма и терроризма в сознании молодежи // Социокультурная среда молодежного экстремизма и ксенофобии // Сб. Матер. Межд. науч. пр. конф. Белгород: Константа, 2008. 257 с.

75. Козлов А.А. Проблемы экстремизма в молодежной среде / А.А. Козлов // Серия «Система воспитания в высшей школе». М., 1994. Вып. 4.
76. Кон И.С. Молодежь // Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969-1978.
77. Кондратьев М. Ю. Азбука социального психолога-практика / М.Ю. Кондратьев, В.А. Ильин. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
78. Константинов В.В. Психологическая адаптация: опыт исследования и диагностика: учебное пособие / В.В. Константинов, И.А. Красильников. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008. 160 с.
79. Коршунова О.Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия / О.Н. Коршунова. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 325 с.
80. Косолапов Н. Сила, насилие, безопасность: современная диалектика взаимосвязей // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 11.
81. Курбанов М.Г. Политический экстремизм и массовое сознание // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму // Материалы Всероссийской научно-практич. конф.: в 2 т. Т.1.
82. Лабунская В.А. Социально-психологические причины интолерантного общения / В.А. Лабунская // Век толерантности. 2001. № 3-4. С. 100-112.
83. Лакер У. Чёрная сотня. Происхождение русского фашизма / У. Лакер; пер. с англ. В. Меникера. М., 1994. 432 с.
84. Ланцов С.А. Террор и террористы: словарь / С.А. Ланцов. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2004. 187 с.
85. Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поиска самоуважения к поискам смысла / Н.Н. Лебедева // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 48-58.
86. Леонтьев А.Н. Проблема развития психики. М: АПН РСФСР, 1959. 584 с.
87. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. 2-е изд. испр. М.: Смысл, 2003. 487 с.
88. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
89. Лихтарников А.Л., Чеснокова Е.Н. Социально-психологическая реабилитация осужденных подростков. СПб., Мемориал, PRI, 2001. 175 с.
90. Лоренц К. Так называемое зло / К. Лоренц // Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 96.

91. Максимова С.Г. Социально-психологические особенности личности позднего возраста / С. Г. Максимова. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. 98 с.
92. Марковская И.М. Программа и методы социально-психологического исследования: учебное пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 52 с.
93. Масалков И.К. Социокультурная травма как объект социологии / И.К. Масалков. URL: <http://lib.socio.msu.ru>
94. Михайлова Н.Б. Психологическое исследование ситуации эмиграции / Н.Б. Михайлова // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 1. С. 26-38.
95. Мкртычян А.А. Психологические последствия терроризма и СМИ / А.А. Мкртычян // Социология обр-ния / под ред. В.С. Собкина. М.: Институт соц-гии обр-ния РАО, 2009. Т. XIII. Вып. XXII. 256 с.
96. Мкртычян А.А. Психологические характеристики формирования отношения к терроризму / А.А. Мкртычян. URL: <http://portalus.ru>
97. Морозов И.Л. Политический экстремизм – леворадикальные течения: учебное пособие для студентов и аспирантов / И.Л. Морозов. Волжский: Изд-во ВФ МЭИ, 2002. 70 с.
98. Московичи С. Век толп / С. Московичи. М., 1996. 478 с.
99. Мяло К.Г. На путях бунта: от протеста к террору / К.Г. Мяло // Иностранная литература. 1984. №3. С. 201.
100. Мяло К.Г. Под знаменем бунта (очерки истории и психологии молодежного протеста 1950 -1970 гг.) / К.Г. Мяло. М., 1985. 290 с.
101. Мясищев В. Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека / В.Н. Мясищев // Психологическая наука в СССР: кн. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. Т. 2. С. 110-125.
102. Мясищев В.Н. Проблема отношений человека и ее место в психологии / В.Н. Мясищев // Вопросы психологии. 1957. №5. С. 142-156.
103. Мясищев В.Н. Психология отношений: Избранные психологические труды / В.Н. Мясищев. М., Воронеж: Ин-т практич. психологии, 1995. 150 с.
104. Ольшанский Д.В. Психология террора / Д.В. Ольшанский. Екатеринбург; М.: Академический Проект, ОППЛ, 2002. 320 с.
105. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб: Питер, 2002. 288 с.
106. Осипова О.С. Девиантное поведение: благо или зло? / О.С. Осипова // Социс. 1998. № 9. С. 107.
107. Отвергая фашизм: Молодежь России и проблемы ксенофобии, экстремизма, фашизма: инф. библ. материалы / сост.: Т.М. Гурина, Н.А. Макарова, С.Г. Миронова, Г.О. Монастырева, М.Н. Рузаева. М., 2006. 152 с.

108. Павленко В.Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов / В.Н. Павленко // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследовательской работы / под ред. Г.У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 25-39.

109. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 113-124.

110. Паин Э.А. Этнополитический экстремизм в России: социально-культурные истоки и причины неэффективности принимаемых мер противодействия. Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Э.А. Паин; под ред. В. Тишкова, Е. Филипповой. М.: УОП ИЭА РАН, 2005.

URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit01.php>. С. 19-30.

111. Петровский А.В. Основы теоретической психологии / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. М.: ИНФРА-М, 1998. 528 с.

112. Плотичкина Н.В. Экстремизм versus демократия в научных исследованиях германских политологов // Политэкс – Политическая экспертиза. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2008. Т. 4, № 4. С. 193-202.

113. Политическая конфликтология: учебное пособие / под ред. С. Ланцова. СПб.: Питер, 2008. 319 с.

114. Политическая психология: учебное пособие для вузов / под общ. ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 858 с.

115. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. 172 с.

116. Психологи о терроризме: круглый стол // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 4.

117. Психология: учебник для гуманитарных вузов. 2-е изд. / под общ. ред. В.Н. Дружинина. СПб., 2009. 656 с.

118. Психология личности: словарь-справочник / под. ред. П.П. Горностай, Т.М. Титаренко. К.: Рута, 2001. 320 с.

119. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. 672 с.

120. Райх В. Психология масс и фашизм / В. Райх. М. 1997. 380 с.

121. Рахшмир П.Ю. Происхождение фашизма. М.: Наука, 1981. 184 с.

122. Рощин С.К. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства / С.К. Рощин, В.А. Соснин // Российский монитор. 1995. № 6.

123. Рубан Л.С. Девиация как проблема безопасности / Л.С. Рубан // «Социс». 1999. № 5. С. 70.
124. Самойлов Э.В. Фюреры. Книга III: Общая теория фашизма / Э.В. Самойлов. Калуга, 1993. 186 с.
125. Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции / Л.М. Семенюк. Москва, 1996. С. 50.
126. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. СПб.: ООО «Речь», 2007. 350 с., ил.
127. Собкин В.С., Федотова А.В. Отношение учащихся школ и студентов вузов к экстремизму // Толерантность в подростковой и молодежной среде: сб. науч. ст. подгот. в рамках Федер. целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском об-ве (2001-2005)». М.: Центр социологии образования РАО, 2004. С. 92-114.
128. Солдатова Г.У. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности/Г.У. Солдатова. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. 112 с.
129. Солдатова Г.У. Может ли другой стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии / Г.У. Солдатова, А.В. Макаручук. М.: Генезис, 2006. 256 с.
130. Соснин В.А. Психология современного терроризма: учебное пособие / В.А. Соснин. М.: ФОРУМ, 2010. 160 с.
131. Соснин В.А. Социальная психология: учебник / В.А. Соснин, Е.А. Красникова. 2 изд. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2007. 336 с.
132. Социология образования. Труды по социологии образования / под ред. В.С. Собкина. М.: Институт социологии образования РАО, 2009. Т. XIII. Вып. XXII. 256 с.
133. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. 4-е изд. М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.
134. Тарабрина Н.В. Основные итоги и перспективные направления исследований посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 5-18.
135. Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты / С.А. Тарарухин. М., «Юрид. лит.». 1974. 224 с.
136. Тарасов А.Н. Что такое политический радикализм.
URL: <http://saint-juste.narod.ru/radicalism.htm>
137. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. № 4. С. 24-25.

138. Тихомандрицкая О.А. Информация о терроризме в СМИ и изменение социальных установок / О.А. Тихомандрицкая: материалы Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 30-31 октября 2008 г. Том 1. Материалы пленарных заседаний. Материалы Первой всероссийской научно-практической конференции «Формирование устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы профилактики терроризма». М.: МЦНМО, 2009. 512 с.

139. Толерантность против ксенофобий / под ред. В.И. Мукомеля, Э.А. Паина. М.: Институт социологии РАН, 2005. 188 с.

140. Томалинцев В.Н. Человек в XXI веке: Поиск на грани творчества и экстремизма / В.Н. Томалинцев. СПб., 2001. 72 с.

141. Томалинцев В.Н. Введение в социальную экстремологию: учеб. пособие / В.Н. Томалинцев, А.А. Козлов. СПб., 2005. 218 с.

142. Уголовный кодекс РФ (УК РФ) от 13. 06. 1996 № 63-ФЗ.

143. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями от: 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.)

144. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

145. Феномен экстремизма / под ред. А.А. Козлова. СПб., 2000. 285 с.

146. Фетискин Н.П., Кондрат Е.Н., Миронова Т.И., Шепелева С.В. Психология молодежного экстремизма в российской ментальности. СПб.; Кострома, 2007.

147. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. СПб.: Ювента, 1997.

148. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 163.

149. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм; пер. с англ. А. Лактинова. М.: АСТ; АСТ Москва, 2009. 288 с.

150. Халмухамедов А.М. Молодежь ФРГ: от политического нигилизма к движениям протеста: дис. ... канд. философ. наук. М., 1986. 180 с.

151. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М., 1993. 480 с.

152. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри / Б. Хоффман. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 11.

153. Хухлаев О.Е. Психология национализма в зарубежных исследованиях / О.Е. Хухлаев // Социальная психология и общество. 2012. №4. С. 15-29.

154. Целуева Н.В. Психологические аспекты изучения проблемы молодежного экстремизма / Н.В. Целуева // СОЦИС. 2007. № 3.
155. Человек и общество. СПб.: Изд-во С. петерб. ун-та, 1996. Вып. 28: Молодежный экстремизм / А. А. Козлов, В. Н. Томалинцев, Т. Э. Петрова и др; под ред. А. А. Козлова. 1996. 140 с.
156. Чиж В.Ф. Психология фанатизма (Фотий Спасский) / В.Ф. Чиж // Вопросы философии и психологии. 1905. № 1 (76). 36 с.
157. Чикер В.А., Капустина А.Н., Захарова А.М. 18 программ тренингов: руководство для профессионалов. Изд-во: Речь, 2007. 191 с.
158. Чурков Б.Г. Мотивационные и идейные основы современного терроризма / Б.Г. Чурков // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. 1993. № 4. С. 45-63.
159. Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник для вузов / Е.Б. Шестопал. М.: ИНФРА-М, 2002. 448 с.
160. Шнайдер Г.Й. Криминология / Г.Й. Шнайдер. М., 1994. С. 440.
161. Штомпка П. Социальные изменения как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.
162. Эко У. Вечный фашизм. Пять эссе на темы этики / У. Эко. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000. С. 49-80.
163. Экстремизм в молодежной среде.
URL: http://www.ozmo.ru/bezopasnost/extremizm/1771-i-#_ftn2
164. Экстремизм в России: миф и реальность // РФ сегодня. 2006. № 2.
URL: <http://www.russia-today.ru>
165. Эммануилов Р.Я. Террор во имя веры: религия и политическое насилие: монография / Р.Я. Эммануилов, А.Э. Яшлавский. Изд-во: Мосты культуры. 2011. 344 с.
166. Юрасова Е.Н. Некоторые особенности личности респондентов, склонных к ксенофобии / Е.Н. Юрасова // под общ. ред. Ю.М. Антоняна: сб. науч. тр. М.: РИПО ИГУМО, 2007. Вып. 9. 192 с.
167. Юрасова Е.Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии / Е.Н. Юрасова // Юридическая психология. 2008. №4. С. 27-35.
168. Bandura A. Mechanisms of Moral Disengagement / Walter Reich, ed. // Origins of Terrorism: Psychologies. Ideologies. Theologies. States of Mind. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. P. 161-91.
169. Conzen P. Fanatismus / P. Conzen. Stuttgart: Kohlhammer. 2005.
170. Covell K. National and differences in adolescent's war attitudes / K. Covell // International journal of behavioral development. 1996. № 4.

171. Crenshaw Martha. The Psychology of Political Terrorism / Margaret Hermann, ed. // Handbook of Political Psychology. San Francisco: Jossey-Bass. 1985. P. 379-413.
172. Crayton, John W. Terrorism and the Psychology of the Self / Lawrence Zelic Freedman, Yonah Alexander, eds. // Perspectives on Terrorism. Wilmington, Delaware: Scholarly Resources. 1983. P. 33-41.
173. Delisi L.E., Maurizio A., Yost M., Papparozi C.F., Fulchino C. A survey of New Yorkers after the Sept. 11, 2001 terrorists attacks // American Journal of Psychiatry. 2003. P. 780-783.
174. Ferracuti F. A sociopsychiatric interpretation of terrorism. The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1982. P. 129-140.
175. Flory M., Higgins R. Terrorism and International Law. L.; N.Y. 1997.
176. Goldenberg J.L. In the wake of 9/11: The psychology of terror. Washington DC: Am. Psychol. Ass. 2003.
177. Heskin K. The Psychology of Terrorism in Ireland / Yonah Alexander., eds. // Terrorism in Ireland. New York: St. Martin Press. 1984. P. 88-105.
178. Hudson Rex A. The sociology and psychology of terrorism: who becomes a terrorist and why. Library of Congress. Washington, D. C., 1999. 178 p.
179. Jenkins Brian M. International Terrorism: A New Mode of Conflict / David Carlton , Carolo Schaerf, eds. // International Terrorism and World Security. London: Croom Helm, 1975.
180. Kellen K. Ideology and Rebellion: Terrorism in West Germany / Walter Reich, ed. // Origins of Terrorism: Psychologies. Ideologies. Theologies. States of Mind. Washington: Woodrow Wilson Center, 1998. P. 43-58.
181. Laquer W. The new terrorism: Fanatism and the arms of mass destruction / W. Laquer. L., 1999.
182. Laquer W. Zwölf Thesen über die Guerilla // Politik durch Gewalt. B., 1976.
183. Maschke G. Kritik des Guerillero. Zur Theorie des Volkskrieges / S. Fischer Verlag GmbH. Frankfurt am Mein. 1973.
184. Mathewson J. The psychology impact of terrorist attacks: Lessons learned for future threats // Ritz M.W., Hensley R.G. // The Homeland security papers: Stemming the tide of terrorism. 2004. P. 191-216.
185. McCauley C. Psychological issues in understanding terrorism and response to terrorism / C. McCauley // University of Pennsylvania. 2001. P. 2-40.
186. McCormick G.H. Terrorist decision making / G.H. McCormick // Ann. Rev. Polit. Sci. V. 6. P. 473-507.
187. Moghaddam F. From the terrorists' point of view: What they experience and why they come to destroy. Westport, CT: Praeger Security International. 2006.

188. Post J. Current Understanding of Terrorist Motivation and Psychology: Implications for a Differentiated Antiterrorist Policy / J. Post // Terrorism. 13. 1990. No 1. P. 65-71.

189. Schmitt C. Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen / C. Schmitt. Berlin, 1963.

190. Taylor M. Fanaticism. Political Suicide and Terrorism / M. Taylor, R. Helen // Terrorism. 11. 1988. No. 2. P. 91-111.